УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XV *Выпуск III*

УЛЬЯНОВСК
1959 год.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XV *Выпуск III*

УЛЬЯНОВСК
1959 год.

С. Л. СЫТИН

«БЕШЕНЫЕ» И ЯКОБИНЦЫ ПОСЛЕ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 31 МАЯ — 2 ИЮНЯ 1793 г. ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПАРИЖСКОГО ПЛЕБЕЙСТВА ЗА УДОВЛЕТВОРЕНИЕ СВОИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ ЛЕТОМ 1793 ГОДА

Французская буржуазная революция конца XVIII века развивалась, как указывали Маркс и Энгельс, по восходящей линии[1]. Период якобинской диктатуры, который открывается антижирондистским народным восстанием 31 мая — 2 июня 1793 г., был высшей точкой этого подъема.

В. И. Ленин говорил о якобинской диктатуре, как о диктатуре народных низов. «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство»[2]. «Якобинцы 1793 года были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты... Якобинцы 1793 года вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы **с классом эксплуататоров** со стороны взявшего **всю** государственную власть в свои руки **класса трудящихся и угнетенных**»[3].

Диктатурой низов якобинская диктатура была на определенном этапе благодаря мощному революционному движению плебейских масс и деревенской бедноты. Революционное движение бедноты, прежде всего парижского плебейства, заставляло правящую робеспьеристскую группировку якобинцев преодолевать свою буржуазную и мелкобуржуазную ограниченность и свои колебания и проводить в жизнь хотя бы часть тех

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 141.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 339.
[3] В. И. Ленин. т. 25, стр. 41, 42.

социально-экономических мероприятий, которых требовали плебейские массы города и деревенская беднота. А тем самым создавались основы для союза якобинцев с народом. «Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, — писал Ленин, — состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным **большинством** народа, **с революционными** передовыми классами **своего** времени»[1].

Активно участвуя в борьбе за устранение жирондистов от власти, являясь фактически инициаторами этой борьбы, плебейские массы Парижа во главе с «бешеными»[2] видели в новой революции прежде всего средство добиться удовлетворения своих социально-экономических требований и улучшения своего безмерно тяжелого положения.

Санкюлотам Парижа не удалось однако хотя бы частично осуществить эти требования в дни антижирондистского восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. Правое крыло якобинцев во главе с Дантоном сумело при помощи руководителей Парижской коммуны Паша, Шомета и Эбера предельно ограничить размах и задачи восстания и воспрепятствовать попыткам плебейских масс углубить и заострить революцию.

Народное восстание 31 мая — 2 июня сразу же изменило расстановку классовых сил внутри сложившегося в апреле якобинского блока. Придя к власти, якобинцы не могли больше сваливать все неполадки на жирондистов и оказались лицом к лицу с плебейскими массами Парижа и их социально-экономическими требованиями, не испытывая вместе с тем такой зависимости от их поддержки, как накануне 31 мая. Наряду с этим они оказались перед лицом гражданской войны, развязывая которую жирондисты апеллировали прежде всего к собственникам, к буржуазии и крестьянству.

Следствием всего этого было резкое усиление свойственных даже революционной буржуазии и мелкой буржуазии колебаний и непоследовательности при решении социально-экономических вопросов, связанных с частной собственностью. Стремление выбить почву из-под ног жирондистов и обеспечить

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 495.

[2] Эта кличка применялась для обозначения группы плебейских, предпролетарских революционеров, виднейшими, из которых были Жак Ру, Варле, Леклерк и Клара Лакомб.

революции поддержку собственников, буржуазии толкало якобинцев на путь гарантирования святости и неприкосновенности буржуазной частной собственности. При этом приносились в жертву интересы не только плебейских масс, но в какой-то мере и мелкой буржуазии. Уменьшение же зависимости от плебейских «низов» приводит к настойчивым попыткам робеспьеристов и левых якобинцев, Конвента и руководства Коммуны уклониться от реализации многочисленных обещаний, которые были даны парижскому плебейству в апреле—мае 1793 г. Ведь независимо от стремления якобинцев лишить жирондистов поддержки буржуазии за счет уступок этой последней, социально-экономические требования плебейских масс, предпролетариата противоречили во многом интересам буржуазии и представлялись даже левому крылу буржуазных революционеров неразумными и несвоевременными с точки зрения интересов самой же бедноты.

Все это предопределило неизбежное обострение классовой борьбы внутри якобинского блока, борьбы между его плебейским крылом и пришедшей к власти якобинской буржуазией по социально-экономическим вопросам уже на следующий день после народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 года.

Вопрос о борьбе между «бешеными» и якобинцами непосредственно после народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. изучен недостаточно.

В буржуазной историографии этот вопрос рассматривается более или менее обстоятельно и на основе солидной документации А. Матьезом в его книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора»[1]. Однако Матьез оказался не в состоянии вскрыть подлинные причины этой борьбы, отрицая наличие принципиальных расхождений в социально-экономических программах робеспьеристов и «бешеных».

В русской буржуазной историографии события июня 1793 г., связанные с борьбой между «бешеными» и якобинцами, привлекли внимание Н. И. Кареева. Одна из его статей была посвящена петиции Жака Ру Конвенту 25 июня 1793 г.[2]. Знакомя русского читателя с важным документом революционного движения парижского плебейства в 1793 г., Кареев в то

[1] Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.-Л., 1928.

[2] Кареев Н. «Коммунистическая» петиция Жака Ру и секция Гравилье. (Эпизод из истории французской революции). Русские записки, 1916, № 1, стр. 116—139.

же время давал тенденциозный и неправильный анализ этого документа[1].

В советской исторической литературе борьба «бешеных» с якобинцами в июне—начале июля 1793 г. освещается в книге Я. М. Захера «Бешеные»[2]. Основанная на первоклассном документальном материале (в значительной мере впервые введенном в исторический оборот) эта работа дала ответы на многие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Жака Ру, Варле, Леклерка и Клары Лакомб. Вместе с тем, книга Я. М. Захера имела и ряд весьма серьезных недостатков. Деятельность и взгляды «бешеных» исследовались им в почти полном отрыве от секционного движения в целом и от всей развернувшейся в 1792—1793 гг. ожесточенной классовой борьбы. Все это привело автора к грубо ошибочной оценке деятельности группы «бешеных» летом 1793 г.

Задачами настоящей работы является воссоздание возможно более полной картины борьбы между «бешеными» и якобинцами в июне — начале июля 1793 г. и анализ причин и значения этой борьбы[3].

§ I. ДВИЖЕНИЕ ПЛЕБЕЙСКИХ МАСС ПАРИЖА ПРОТИВ ДОРОГОВИЗНЫ ПОСЛЕ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 31 МАЯ — 2 ИЮНЯ И КРИТИКА ЖАКОМ РУ ЯКОБИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Начиная с мая 1793 г. продовольственное положение Парижа ухудшалось с катастрофической быстротой.

Стоимость ассигнаций упала в мае с 52 до 36 проц. номи-

---

[1] Правильно критикуя Кропоткина и всех тех, кто вместе с ним отождествляли взгляды Жака Ру с социализмом, Кареев в свою очередь не менее грубо, чем они, искажал историческую действительность в противоположном плане. Он отрицал **всякие** связи между Ру и позднейшим социализмом и коммунизмом. Он до чрезвычайности упрощал, вульгаризировал программу вождя «бешеных», изложенную в его петиции Конвенту.

[2] Захер Я. М. «Бешеные». Л., 1930.

[3] Настоящая статья является главой из работы «Народное движение 4 сентября 1793 г.», которая подготавливается автором к печати.

нальной стоимости, в июне — с 36 до 23 проц.[1]. За эти два месяца ассигнации теряют в цене столько же, сколько они потеряли за четырнадцать предыдущих.

Долгожданный закон о максимуме, принятый Конвентом 4 мая 1793 г., не оправдал возлагавшихся на него санкюлотами надежд. Не говоря уже о том, что под действие закона попадало одно зерно, он даже в таком неполном и несовершенном виде остался на бумаге. Требование максимума на все предметы первой необходимости оставалось главным требованием парижского плебейства накануне и в дни революции 31 мая — 2 июня.

Уже 3 июня Шабо предложил в Якобинском клубе «фиксировать цену хлеба для всей республики». Ему аплодировали, но никакого решения принято не было[2].

5 июня Малларме предложил в Конвенте распространить максимум на все предметы первой необходимости[3].

9 июня вопрос о максимуме был вновь поднят в Якобинском клубе. Заседание началось с того, что один из присутствующих рассказал о жульнических проделках мясников, свидетелем которых он был на одной из парижских набережных. За ним слово взял Порталье. «Очевидно, что имеется род нечистой сделки между купцами, чтобы произвольно повышать цену всех съестных припасов. Воз дров вместо 22 ливров стоит в настоящее время 32 ливра. То же самое происходит и со всеми съестными припасами; я бы потребовал, чтобы фиксировали их цену, чтобы обуздать жадность купцов, которые являются настоящими аристократами». Награжденный аплодисментами, оратор предложил, чтобы якобинцы представили Конвенту петицию с целью побудить его таксировать цену съестных припасов. Вместо ответа клуб, по инициативе председателя, дантониста Бурдона из Уазы, принял решение, что он будет слушать только ораторов, которые будут предлагать меры общественного спасения. Максимум таким образом оказался для якобинцев (или, точнее, для руководства якобинского клуба) не относящимся к мерам общественного спасения[4].

---

[1] Tableaux de depréciation du papier monnaie,réédités avec une introd. par P.Caron. P., 1909.

[2] Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution francaise..., t. XXVIII, pp. 158—159.

[3] Матьез, цит. соч., стр. 161.

[4] Aulard, La Société des Jacobins, t.V, pp. 241—242.

Через несколько дней (12 июня) с требованием максимума выступил у якобинцев «гражданин инвалид». Клуб, как и двумя днями раньше, отказался обсуждать этот вопрос[1].

15 июня секция Прав человека представила на одобрение Коммуны петицию, в которой требовала от Конвента введения таксы на все товары первой необходимости, «устрашения скупщиков и строгого наказания для всех тех, кто нарушит максимум». Автором этой петиции был, возможно, Варле, возглавлявший с лета 1792 г. демократические элементы этой секции. Петиция была официально одобрена многими другими секциями, снабдившими секцию Прав человека соответствующими полномочиями.

Мелкобуржуазное руководство Коммуны встретило петицию враждебно. Выступивший против нее Эбер безапелляционно утверждал, что Париж обеспечен продовольствием до января. Далее он заявил «...что преступно прерывать работы Конвента в то время, когда он занят обсуждением конституции». Коммуна присоединилась к мнению Эбера. После проверки протоколов об одобрении петиции, секциям было предложено «отложить этот вопрос до принятия конституции»[2].

24 июня обсуждала проблему продовольствия секция Соединения, расположенная между секцией Гравилье (секция Жака Ру) и секцией Прав человека (секция Варле). «Когда один член ее предложил просить Конвент послать в департаменты комиссаров, «чтобы побудить наших братьев смотреть на нас не как на людоедов, а как на граждан, которые хотят брататься с ними», другой член секции возражал против этого предложения и требовал, напротив, домашних обысков, «общих обысков на всем пространстве республики, которые должны быть произведены везде в один и тот же час и день». Дебаты возобновились на следующий день, и идея всеобщего обыска была принята»[3].

Вечером следующего дня к решетке Конвента явились депутации санкюлотов секций Красного Креста и Люксембург.

Начав с комплиментов в адрес Горы и Конвента и безоговорочно одобрив все декреты, принятые после 31 мая, оратор депутации секции Красного Креста обращает затем внимание Собрания на тот «примечательный класс народа», который

---

[1] Aulard, La Société des Jacobins, t.V, pp. 249.

[2] Moniteur (réimpression), t XVI, p. 658; Mercure Universel, 18 juin 1793 N 838.t. XXVIII, p. 263.

[3] Матьез, цит. соч., стр. 175.

совершил революцию и завершит ее, и который страдает от чрезмерной дороговизны съестных припасов. «Народ, победитель дворянской и духовной аристократии в 1789 г., аристократии королей и двора в 1792 г., не будет побежден в 1793 г. аристократией финансовой и торговой». И оратор секции просил Конвент от имени санкюлотов немедленно декретировать таксу на предметы первой необходимости: хлеб, мясо, дрова, свечи, мыло, растительное масло, сахар и т. д.

Председательствовавший Колло д'Эрбуа ответил, что Национальный конвент сосредоточит свое внимание на этих жалобах и уже занимается их содержанием. Конвент отослал петицию в объединенные комитеты земледелия и торговли.

Оратор депутации санкюлотов секции Люксембург «предлагает длинный список мер относительно съестных припасов и установления на них таксы; он утверждает, что если ажиотаж и скупка, которыми пользуются для угнетения народа, до сих пор не уничтожены, то это от того, что до сего дня принимались только полумеры».

Представленный секцией Люксембург проект предусматривал «организацию в каждой коммуне комитета продовольствия, таксу на предметы первой необходимости и наказание двадцатью годами заключения в оковах и конфискацией земли в пользу республики всех злонамеренных земледельцев, которые пренебрегли бы под предлогом таксы на зерно обработкой своих земель».

Ответ Колло д'Эрбуа был и на этот раз красноречив, предупредителен и... весьма уклончив. Указав на то, что петиционеры разоблачили «гибельные злоупотребления», он вместе с тем заявил, что наиболее эффективной мерой для борьбы с ними являются не смертная казнь и тюремное заключение, о которых говорил оратор депутации, а общественное мнение. Петиция, как и предыдущая, была отослана в комитеты земледелия и торговли[1].

Депутации секций Красного Креста и Люксембург сменила депутация секции Гравилье во главе с Жаком Ру, прочитавшим петицию, одобренную как секцией Гравилье, так и секцией Бон-Нувель и клубом кордельеров.

Петиция Жака Ру была кульминационным пунктом в борьбе плебейских масс за свои социально-экономические тре-

---

[1] Archives parlementaires, I série,t. 67, p. 456—457

«Меркюр Универсель», 26 июня 1793, № 847, т. XXVIII, стр. 405—406 (по техническим причинам все повторные ссылки на французские издания даются в русской транскрипции или же в переводе на русский язык).

бования после народного восстания 31 мая—2 июня. И не только потому, что развернувшаяся вокруг нее борьба носила особенно ожесточенный характер. В своей петиции Жак Ру опережал развитие революционного движения плебейских масс Парижа. Сформулированное им требование о конституционном осуждении и запрещении ажиотажа и скупки, о конституционном ограничении свободы торговли, а следовательно, и права частной собственности вообще, должно было поднять это движение на новый, высший уровень. И хотя плебейские массы и даже большинство их вожаков, единомышленников Жака Ру, оказались еще не в состоянии до конца понять и поддержать именно это требование, оно имело все же чрезвычайно большое принципиальное значение и способствовало дальнейшему усилению революционного движения плебейских масс.

О деятельности Жака Ру, а также Леклерка и Варле в первой половине июня 1793 года сведений имеется очень мало.

4 июня Леклерк явился в Коммуну и заявил, что напрасно считают революцию законченной. «Заключение под стражу подозрительных людей, — продолжал он, — было одним из главных средств общественного спасения. Но заключены ли под стражу все подозрительные люди? Я в этом сомневаюсь, а опасности являются все теми же. Не является ли к тому же возможным, что арестованные депутаты обратятся в бегство? Э! почему вы так медлите освободиться от ваших врагов? Почему боитесь вы пролить несколько капель крови?..». Прерванный всеобщим ропотом, Леклерк был вынужден покинуть трибуну, а председатель сделал ему внушение. «Эбер произнес по этому поводу речь, полную энергии и патриотизма. Он потребовал, чтобы рассматривали как **плохого гражданина** всякого человека, который предложит пролить кровь. Его обвинительная речь единодушно одобряется не голосованием, но всеобщими аплодисментами всех присутствующих граждан»[1].

Итак, Леклерк был неудовлетворен результатами народного восстания 31 мая—2 июня. Неудовлетворен прежде всего и главным образом потому, что революция недостаточно решительно расправилась как с жирондистами, так и с подозрительными вообще. Из этого вытекало и основное требование Леклерка после народного восстания 31 мая—2 июня — требование постановки в порядок дня революционного террора.

[1] Бюше и Ру, цит. соч., т. XXVIII, стр. 157—158.

О требованиях Варле в начале июня можно судить только по отрывку из одной его рукописи, написанной, по-видимому, непосредственно после народного восстания 31 мая—2 июня. В этом отрывке Варле требовал «обвинительного декрета против всех депутатов-заговорщиков; изгнания дворян со всех гражданских и военных должностей; роспуска штабов армий и смертной казни для монополистов, спекулянтов и скупщиков»[1]. А петиция секции Прав человека Конвенту, автором которой, как говорилось выше, возможно, был Варле, требовала еще и всеобщего максимума.

Располагая таким образом лишь весьма скудными и неполными данными относительно настроений и деятельности сразу же после народного восстания 31 мая—2 июня Леклерка и Варле, мы не имеем даже таких сведений относительно Жака Ру. Все, что известно о нем за период с 1 по 20 июня, это то, что 12 июня Коммуна поручила Ру вместе с Гюйо и Пари редактировать официальный бюллетень Коммуны[2].

20 июня Жак Ру выступил в клубе кордельеров с предложением прибавить к конституции параграф следующего содержания: «Нация защищает свободу торговли, но она карает смертью ажиотаж и ростовщичество». Предложение Ру было встречено громкими аплодисментами и энергично поддержано... Эбером! Он предложил, «чтобы клуб послал депутацию в Коммуну, чтобы рекомендовать ей «счастливую идею» Жака Ру и посоветовать ей сделать ее предметом петиции в Конвент». Предложение Эбера, как и следовало ожидать, было принято. Однако уже в конце заседания Эбер счел нужным оговориться и выступил с горячими похвалами по адресу новой конституции. «Чтобы поблагодарить авторов этого шедевра, он предложил организовать в следующее воскресенье большое празднество на Марсовом поле. Празднество в принципе было принято, но кто-то заметил, что прежде, чем присягать конституции, на-

[1] Varlet, L'Apôtre de la liberté..., pp. 15—16. Фотокопия. Коллекция Института марксизма-ленинизма.

[2] Матьез, цит. соч., стр. 159.

до ее знать, так как она еще не вполне закончена. И дата празднества осталась неопределенной»[1].

21 июня Жак Ру повторил свое предложение перед Генеральным Советом Коммуны[2]. «После лестного отзыва о революционных и республиканских гражданках он выразил сожаление, что в конституции нет ни одной статьи против кровопийц народа: «Какие ограничения предложены здесь, чтобы удержать торговлю в тех границах, которые естественно предписываются любовью к общественному делу? В какой главе находим мы осуждение ажиотажа, скупок? Какая это свобода, если один класс людей может заставить голодать другой? Какое это равенство, если богатый посредством своей монополии пользуется правом распоряжаться жизнью и смертью себе подобных? Свобода, равенство, республика — теперь это только пустые звуки... Разве чрезмерная цена съестных припасов, так сильно растущая с каждым днем, что они становятся недоступными для трех четвертей граждан, не является самым верным и самым ужасным средством контрреволюции?». Он закончил следующими словами: «Я требую, чтобы Совет завтра в полном составе отправился в заседание Конвента и потребовал, чтобы он декретировал, как один из параграфов конституции, что свобода не есть право морить голодом себе подобных». «Журналь де ля Монтань», напечатавший его речь, прибавляет, что она доставила Жаку Ру «самые многочисленные и горячие аплодисменты», но что, тем не менее, по предложению Паша, Совет

---

[1] Матьез, цит. соч., стр. 163.

Чем объяснялась неожиданная поддержка предложения Жака Ру Эбером, возглавившим после народного восстания 31 мая — 2 июня борьбу якобинцев против предпролетарских революционеров? Ответить на этот вопрос нелегко. Одним из многих возможных предположений является следующее. Эбер, как это справедливо отмечает Матьез, безусловно понимал, чувствовал, какую огромную популярность и поддержку будет иметь предложение Жака Ру у санкюлотов. Настроения секции Эбера — секции Бон-Нувель, присоединившейся через несколько дней к петиции Жака Ру, позволяли ему в этом убедиться особенно наглядно. Перехватить инициативу у «бешеных», подчинить движение Коммуне, ввести его в «должные» рамки и укрепить в конечном счете позиции Коммуны и свои собственные, обеспечив себе поддержку народных масс, санкюлотов, — таким представляется вероятный ход мыслей Эбера, когда он выступал 20 июня у кордельеров.

[2] Выступал ли Ру от имени кордельеров или от своего собственного — остается неясным. Кордельеры послали 21 июня депутацию в Коммуну. Но сообщающий об этом в отчете о заседании Генерального Совета «Меркюр Универсель» говорит лишь о принятии Коммуной решения об организации празднества в честь окончания конституции («Меркюр Универсель», 23 июня 1793, № 843, т. XXVIII, стр. 345).

перешел к очередным делам»[1]. Итак, руководство Коммуны уклонилось от одобрения требования Ру.

Не добившись поддержки от Коммуны, Ру вновь обратился к кордельерам. «Если этой статьи не будет в конституции, — сказал он 22 июня, — мы сможем сказать Горе: «Вы ничего не сделали для санкюлотов, потому что они ведут борьбу не за богатых, а за свободу; если кровопийцы этого доброго народа могут всегда капля за каплей пить его кровь под прикрытием закона, тогда свобода похожа на слепую прекрасную женщину». Я предлагаю клубу кордельеров самому внести завтра эту петицию в Конвент и освятить этот принцип раньше, чем принять благодарность святой Горе. Пусть весь народ окружит Конвент и пусть все в один голос воскликнут: «Мы обожаем свободу, но мы не хотим умереть от голода, обуздайте ажиотаж, и мы больше ни о чем не будем просить»[2].

Клуб кордельеров тотчас же назначил двенадцать комиссаров для редактирования петиции Жака Ру. Среди них были Варле, Руссильон, Леклерк и Дюре. Но этот последний отказался, заявив с гневом: «Я возмущен, что говорят о петициях, когда нужно вооружиться пушками и кинжалами... Встаньте же, и если мы напрасно боролись 31 мая, то пусть это новое восстание кровавыми буквами будет записано в анналах истории, тогда нужно 10 августа, нужно отрубить головы разбойникам!..» Слова Дюре были встречены продолжительными и горячими аплодисментами. Варле и Леклерк тоже взяли слово, чтобы призвать присутствующих отправиться завтра толпой в Конвент[3].

Избранная кордельерами комиссия выполнила поставленную перед ней задачу в наикратчайший срок[4]. 23 июня Жак Ру уже предстал перед решеткой Конвента в составе депутации парижских властей, явившихся поздравить Конвент с окончанием конституции (которая, кстати, была вотирована лишь 24 июня). Дождавшись пока кончат говорить официальные ораторы депутации, Ру в свою очередь взял слово: «Революционное общество секции Гравилье, которое 31 мая объявило вам

---

[1] Матьез, цит. соч., стр. 163—164.

[2] Там же, стр. 164.

[3] Там же.

[4] Надо думать потому, что текст петиции был заранее подготовлен Ру.

через меня, что 30.000 человек вооружены, чтобы защищать вас, это общество, объединившееся с клубом кордельеров[1], который первый забил тревогу 31 мая и который стоит на страже народа, это общество поручило мне внести вам петицию...». Здесь революционный священник был прерван Робеспьером, по требованию которого петиция Ру была отложена[2].

В тот же день, 23 июня, петиция Жака Ру стала предметом обсуждения в якобинском клубе. «Депутация общества кордельеров допускается и сообщает проект петиции Конвенту.

Вот его сущность:

«Изгоните дворян со всех гражданских и военных постов. Никогда наши солдаты не пойдут к победе под командованием генералов—врагов свободы. Слушайте желание суверена. В то время, как дома богатых превращены в арсеналы и склады зерна, народ нуждается в оружии и продовольствии; дворяне заставляют убивать патриотов и т. д.

Заставьте декретировать обновление всех штабов; добивайтесь особенно декрета, который освятит тот великий принцип, что продовольствие является собственностью народа; декрета о смертной казни для всех скупщиков; организации революционной армии из всех санкюлотов Парижа».

Общество присоединяется к этим предложениям и аплодирует усердию общества кордельеров»[3].

---

[1] В русском переводе книги Матьеза «Борьба с дороговизной...» допущена неточность. Вместо слов «объединившееся с клубом кордельеров», там написано «собравшиеся в клубе кордельеров», что явно искажает смысл.

[2] Бюше и Ру, цит., соч., т. XXVIII, стр. 216. «Я прошу, — заявил бросившийся к трибуне Робеспьер, — чтобы меня выслушали раньше этого гражданина. Надо, чтобы умы депутатов Национального конвента сосредоточились сегодня на трогательных и высших идеях, представленных установленными властями от имени парижских граждан. Отдадимся тому чувству успокоения, которое эти идеи внушают, отдадимся радости по поводу окончания конституции. Пусть это великое дело не будет прервано никакими частными интересами. Этот день является национальным праздником, и в то время, когда народ клянется во всеобщем братстве, будем здесь работать для его счастья. Поэтому я требую, чтобы петиция была отложена до другого дня». Речь была покрыта аплодисментами и петиция Жака Ру была отложена.

Из поспешности выступления Робеспьера с целью помешать Жаку Ру говорить и из его слов «пусть это великое дело не будет прервано никакими частными интересами» следует, повидимому, что он уже 23-го июня знал о содержании петиции Ру.

[3] Олар, цит. соч., т. V, стр. 273.

Протокол этот требует внимательного анализа. Первое, что бросается в глаза при его чтении — это то, что приведенное изложение петиции Жака Ру сильно отличается от ее подлинного содержания[1]. Закономерно предположить, что у якобинцев не только не зачитывался текст петиции, но что и устное изложение ее содержания кем-то из членов депутации клуба кордельеров было весьма произвольным. Одобрение якобинским клубом представленного кордельерами проекта петиции было вызвано по-видимому тем, что в изложении у якобинцев этот проект существенно отличался от подлинного текста петиции Жака Ру.

24 июня к петиции Жака Ру присоединилась секция Бон-Нувель, расположенная поблизости от секции Гравилье. Таким образом, секция Эбера идет в эти дни не за ним, а за Ру, за предпролетарскими революционерами. Факт, красноречиво говорящий о том, кто был подлинным руководителем плебейских масс после народного восстания 31 мая—2 июня!

Вечером 25 июня Жак Ру, явившийся в Конвент во главе депутации секции Гравилье, получил, наконец, слово.

Петиция Жака Ру Конвенту — один из самых ярких документов классовой борьбы внутри третьего сословия, между

---

[1] Главным в петиции Жака Ру было требование **конституционного** запрещения спекуляции и скупки, превращения всех ограничений свободы торговли, связанных с максимумом, из временных в постоянные и т. д. В выступлении же у якобинцев речь шла не о прибавлении к конституции параграфа о смертной казни за спекуляцию и скупку, а лишь об издании декрета по этому вопросу. Центром тяжести петиции Ру в изложении, данном у якобинцев, являлось изгнание дворян со всех военных и гражданских постов. Наконец в тексте петиции Ру не было вообще требований об обновлении штабов и организации революционной армии (что, конечно, не означает, что Жак Ру в других своих выступлениях этих требований не выдвигал и не поддерживал). Как по своему содержанию, так и по стилю, изложение петиции Жака Ру в якобинском клубе вечером 23-го июня соответствовало скорее взглядам Варле и Леклерка, чем **взглядам Ру.**

предпролетариатом и буржуазией в период французской буржуазной революции конца XVIII века[1].

От чьего имени говорил Ру и чьи интересы защищал он в своей петиции?

Выступая, как правило, от имени народа, санкюлотов, бедняков вообще, Ру в целом ряде случаев уточнял и конкретизировал, какие группы населения понимает он под этими общими обозначениями. И первой из таких групп были рабочие. Ру четко ставил вопрос о резком разрыве между заработной платой рабочих и ценами на предметы первой необходимости, о наличии безработицы, о низкой оплате труда женщин-работниц. «Напрасно стали бы возражать, что рабочий получает жалованье, соразмерно с увеличением цен на продукты; правда, есть некоторые, мастерство которых оплачивается дороже; но есть также много таких, работа которых оплачивается с начала революции ниже. Кроме того, не все граждане являются рабочими; не все рабочие заняты, а среди тех, кто занят, есть такие, у которых имеется от 8 до 10 детей, неспособных зарабатывать на жизнь, а женщины вообще не зарабатывают свыше 20 су в день»[2]. Указав на ухудшение положения рабочих за время революции, Ру делает, как мы видим, характерную оговорку — «кроме того не все граждане являются рабочими;

---

[1] В нашем распоряжении имеется два текста петиции. Это, во-первых, протокольная запись речи Ру в Конвенте, опубликованная в газетах. Имеется несколько вариантов этой записи. Все они лаконичны и, по-видимому, очень неполны. Кроме того, имеется текст петиции, опубликованный (в конце июня) самим Жаком Ру в виде брошюры. Текст этот отличается от газетных публикаций несравненно большей полнотой и законченностью. Но, если в газетных публикациях многое из сказанного Ру в Конвенте бесспорно отсутствует, то из текста, опубликованного Ру, многое, очевидно, сказано не было. Ру вряд ли перерабатывал текст своей петиции перед опубликованием (за исключением вставки эпиграфа). Текст этот был им по всей вероятности написан еще до 23 июня. Но если учесть обстановку, в которой вождь «бешеных» зачитывал свою петицию (непрерывные требования депутатов лишить оратора слова, постоянные напоминания о необходимости скорейшего окончания со стороны председателя), то можно и должно предположить, что многое из написанного Ру не успел сказать.

[2] Adresse presentée à la Convention Nationale au nom de la section des Gravilliers, de Bonne—Nouvelle et du club des Cordeliers, par Jacques Roux, officier municipal de Paris, électeur du département et membre du Club des Cordeliers, rédacteur et orateur de la députation. Publ. par A. Mathiez. Annales rév., 1914, p 551.

В настоящей работе частично использован русский перевод «Петиции» Жака Ру Я. М. Захера, помещенный им в сборнике «Великая французская революция в документах», Л., 1926.

не все рабочие заняты». Таким образом Ру считал, что положение рабочих не является еще самым тяжелым, что есть группы городской бедноты, положение которых является худшим. К ним, помимо безработных рабочих, Ру относил, по-видимому, разоряющихся ремесленников и пролетаризирующуюся интеллигенцию. Ремесленная беднота — такова вторая важнейшая группа городского плебейства, интересы которой представлял Ру. О ней он неоднократно говорил и в тесно примыкающей по своему содержанию к петиции Конвенту «Речи о причинах несчастий Французской республики».

Ру выступал защитником интересов и определенных групп разоряющейся мелкой буржуазии, интересов лиц, имеющих «только 2-3-4-5-6-сот ливров ренты, к тому же плохо выплачиваемой или как пожизненная пенсия или из частных касс».[1]

Глубоким состраданием и вместе с тем гневом и возмущением проникнуты строки петиции, посвященные описанию положения бедноты. «Депутаты Горы, — восклицал Ру, — почему вы не подниметесь с 3-го до 9-го этажа домов этого революционного города — вы были бы тронуты слезами и стенаниями несметного множества людей без хлеба и одежды, доведенных до такого состояния отчаяния и горя ажиотажем и скупкой, потому что законы были жестоки по отношению к бедняку, потому что они были созданы богачами и для богачей»[2].

Жак Ру указывал на непрерывный рост цен. «С утра до вечера цены на товары растут с ужасающей быстротой». Народ подвергают пытке посредством безумных цен на съестные припасы. Цены на продукты установлены такие «платить которые три четверти граждан могут только обливаясь слезами». Свечи продаются по 6 франков за фунт, мыло по 6 франков за фунт, масло по 6 франков за фунт. За пару сапог санкюлот должен платить 50 ливров, за рубашку — 50 ливров, за плохую шляпу — 50 ливров[3]. «300 тысяч французов, изменнически принесенных в жертву, погибли от убийственного меча королевских

---

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 555. Для правильного понимания этих цифр следует указать, что минимальная дневная заработная плата рабочего составляла в среднем один ливр. Квалифицированные же рабочие получали от двух до трех ливров в день. Упоминаемые Ру ренты и пенсии не превышали таким образом заработной платы рабочих различных категорий.

[2] Там же, стр. 551—552.

[3] Для сравнения можно указать, что законом 18 августа 1793 г. цена на мыло была установлена в 25 су, т. е. в ливр с четвертью. Франк равен ливру.

рабов, надо ли еще, чтобы те, кто охранял их домашние очаги, были доведены до необходимости пожирать камни? Надо ли, чтобы вдовы тех, кто умер за дело свободы, платили на вес золота даже за лоскуток, необходимый им для того, чтобы вытирать свои слезы? Надо ли, чтобы они платили на вес золота за молоко и мед, составляющие пищу их детей?»[1].

Где же причина подобного положения народных масс? Причиной, утверждал Ру, является ужасная внутренняя война, объявленная санкюлотам со стороны богачей. «Вот уже четыре года как одни только богачи пользуются преимуществами революции. Торговая аристократия еще более ужасная, чем аристократия дворянская и церковная, занялась жестокой забавой захвата силой индивидуальных богатств и сокровищ республики, — и мы еще не знаем, где будет предел их вымогательствам...»[2]. Но каким же образом, посредством чего удается богатым угнетать народ? Они это делают с помощью ажиотажа и спекуляции предметами первой необходимости, посредством злоупотребления свободой торговли,—отвечал вождь предпролетарских революционеров почти в каждой фразе своей петиции.

Ру горячо полемизировал с теми, кто объяснял экономический, точнее продовольственный кризис и бедственное положение народных «низов» исключительно войной, чрезмерным выпуском ассигнаций и тому подобными причинами.

Чем объяснить, что Ру (это относится и к другим предпролетарским революционерам), которому никак нельзя отказать в большой наблюдательности и проницательности при анализе окружающих его экономических явлений, так настойчиво сводил причины продовольственного и вообще экономического кризиса к контрреволюционным махинациям или жадности богачей, буржуазии? Случайно это или нет? Далеко не случайно. Ибо под флагом борьбы с продовольственным кризисом Жак Ру вел по существу борьбу против капиталистической эксплуатации.

Какие же меры считал необходимыми Ру для коренного улучшения положения бедноты? Политическое равенство (а выражаясь современным языком — буржуазная демократия) не может само по себе удовлетворить санкюлотов, бедняков. Для счастья народа необходимо коренное улучшение материального

---

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 549.

[2] Там же, стр. 549.

положения народных масс, осуществление «плебейского», имущественного равенства.

«Свобода является пустым призраком, когда один класс может безнаказанно изнурять голодом другой. Равенство также пустой призрак, когда богач путем монополии, осуществляет право жизни и смерти по отношению к себе подобному. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день посредством цен на продукты, платить которые три четверти граждан могут только обливаясь слезами, осуществляется контрреволюция»[1].

Из этой основной мысли Ру и исходил, формулируя свои требования, из них он исходил и в своей критике монтаньярской конституции.

Предоставление продовольствия в пользование санкюлотов путем приведения всех необходимых съестных припасов к доступной для всякого цене, т. е. всеобщий максимум — такова конкретная, практическая цель, за которую боролся Ру. Для достижения этой цели он и требовал так страстно и непримиримо обуздания ажиотажа и спекуляции, ограничения свободы торговли. «Неужели же собственность мошенника может быть чем-то более священным, чем жизнь человека?.. Свобода торговли есть право пользоваться и давать пользоваться, а не право угнетать и мешать пользоваться. Необходимые для всех съестные припасы должны быть приведены к доступной для всех цене...»[2].

Но такса на предметы первой необходимости и все прочие ограничения свободы торговли, которых неутомимо добивался Ру, отнюдь не являлись для него, как для всех монтаньяров, сугубо временными, вынужденными чрезвычайными обстоятельствами мерами. Для Жака Ру эти меры — необходимый и важнейший элемент того нового порядка, того «царства счастья», установление которого являлось, по его мнению целью революции. Именно поэтому и не могла удовлетворить Ру выработанная якобинцами после народного восстания 31 мая—2 июня конституция.

«Скоро будет представлен на утверждение суверена конституционный акт — запретили вы в нем ажиотаж? — Нет! Объявили смертную казнь скупщикам? — Нет! Определили в чем состоит свобода торговли? — Нет! Запретили продажу

---

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 548.

[2] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 550.

денег? — Нет! Ну что же, мы заявляем, что вы не все сделали для счастья народа»[1].

И Ру требовал от Конвента, чтобы в конституционном акте был ясный и точный закон против ажиотажа и спекуляции, чтобы был декретирован «общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и изнурять голодом граждан», и чтобы этот конституционный декрет, обуздывающий ажиотаж и спекуляцию «уже не мог быть объектом каких-либо видоизменений»[2].

Историческое значение критики Жаком Ру якобинской конституции и ее суть заключалась в показе недостаточности, несостоятельности одной политической гарантии прав человека, провозглашенных новой конституцией, в требовании гарантировать эти права экономически, ограничив свободу торговли, т. е. право буржуазной частной собственности. Ставя вопрос таким образом Ру вскоре (в июле—августе 1793 г. в своем «Публицисте Французской республики») близко подходит к выяснению вопроса о роли частной собственности на орудия и средства производства в эксплуатации народных масс буржуазией и отрицанию этой капиталистической собственности, хотя коммунистом этот выдающийся предпролетарский революционер так и не стал. Стоит ли говорить, что подобная тенденция, отражавшая коренные классовые интересы предпролетариата, была совершенно неприемлема для господствовавших в Конвенте монтаньяров — представителей пусть революционной и передовой, но все-таки буржуазии.

В тесной связи со своей критикой новой конституции Ру показывал недостаточность и непоследовательность некоторых социально-экономических мероприятий якобинцев. Примечательна по глубине мысли критика Жаком Ру закона о миллиардном принудительном займе у богачей. «Вы, правда, декретировали миллиардный принудительный заем у богачей, но если вы не искорените ажиотаж, если повсеместно не обуздаете жадность скупщиков, то завтра же капиталист, купец сорвут эту сумму с санкюлотов посредством лихоимства и монополий и таким образом вы ударите не по эгоисту, а по санкюлоту. До появления вашего декрета лавочник и банкир не переста-

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 550.

[2] Там же, стр. 551, 549, 555.

вали притеснять граждан — так к какой только мести ни прибегнут они сегодня, когда вы обложили их налогом, какую только новую дань ни возьмут они за счет крови и слез несчастных»[1].

Помимо основного требования — о дополнении конституции — Ру выдвигал в своей петиции и ряд других социально-экономических и политических требований. «Вы не поколебались, — обращался он к монтаньярам, — поразить смертью тех, кто осмелился предлагать короля — и вы хорошо поступили; вы только что объявили вне закона контрреволюционеров, которые окрасили кровью патриотов эшафоты в Марселе — вы хорошо поступили; ваша заслуга перед отечеством была бы еще больше, если бы вы изгнали из нашей армии дворян и тех, кто занимал места при дворе, если бы в качестве заложников, вы взяли жен и детей эмигрантов и заговорщиков; если бы пенсии этих привилегированных обратили на военные издержки, если бы вы конфисковали в пользу волонтеров и вдов богатства, приобретенные после революции банкирами и скупщиками; если бы вы изгнали из Конвента тех депутатов, которые вотировали за обращение к народу; если бы предали суду революционных трибуналов администраторов, которые вызвали федерализм; если бы поразили мечом правосудия министров и членов Исполнительного Совета, допустивших создание ядра контрреволюции в Вандее; если бы, наконец, вы арестовали тех, чье имя подписано на антигражданских петициях и т. д. и т. д...»[2].

Была ли направлена петиция Ру против Конвента, против Горы, против якобинской конституции, как утверждали его политические противники и как любят утверждать буржуазные историки (эти утверждения иногда повторяются и в нашей советской исторической литературе)? Нет, не была.

Как говорил Ру с Конвентом, точнее с Горой Конвента? Он говорил с ней не языком просителя или верноподданного, а языком равноправного союзника и даже не союзника, а единственного настоящего суверена-народа. От имени этого суверена Ру обращался к монтаньярам с рядом упреков, подчас весьма резких.

Пока Конвент находился во власти жирондистов, заявлял он в начале своей речи, секция Гравилье понимала, «почему

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 551.

[2] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 550.

Гора не может осуществить то благо, которое имеет в своем сердце». Но теперь, после изгнания главарей «апеллянтов» «Конвенту возвращены его достоинство и сила, и для того, чтобы творить добро, он нуждается только в желании этого»[1].

Ру указывал монтаньярам на необходимость делом показать, с кем они — с бедняками или с богатыми «...Так декретируйте же в конституционном порядке, что ажиотаж, продажа денег и спекуляция пагубны для общества. Народ, который знает своих истинных друзей, так долго страдающий народ, увидит тогда, что вы сожалеете о его доле, что вы серьезно хотите уврачевать его недуги. Когда в конституционном акте будет ясный и точный закон против ажиотажа и спекуляции, он увидит, что интересы бедняка ближе нашему сердцу, чем интересы богатых; он увидит, что среди нас не заседают банкиры, арматоры и монополисты, он увидит, наконец, что вы не хотите контрреволюции»[2].

«Нет, нет, депутаты Горы, восклицал Жак Ру в конце своей речи, — вы не оставите неоконченным свой труд, — вы заложите основы общественного благоденствия; вы освятите общие принципы, карающие ажиотаж и спекулянтов; вы не подадите своим преемникам ужасного примера варварства сильных по отношению к слабым, богача по отношению к бедняку; вы не увенчаете позором вашей карьеры. Преисполненные уверенности в этом, мы даем здесь новую клятву в том, что будем до гроба защищать свободу, равенство, единство и нераздельность Республики и санкюлотов, угнетаемых в департаментах»[3].

Как мы видим, при всей резкости своих упреков в адрес Горы, Ру тем не менее неоднократно подчеркивал, что в конечном счете монтаньяры являются все же защитниками народа,

---

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 549.

[2] Там же, стр. 551.

«...Народные избранники, — писал Ру несколькими страницами далее, — было бы трусостью, преступлением против народа, продолжать проявлять беззаботность. Не надо бояться ненависти богатых, т. е. злых. Не надо бояться пожертвовать политическими принципами во имя спасения народа, которое является высшим законом. Согласитесь же, что только благодаря малодушию, вы разрешаете дискредитировать бумажные деньги, подготовляете банкротство, допускаете злоупотребления и преступления, которые заставили бы покраснеть самый деспотизм в последние дни его варварского могущества» (там же, стр. 554).

[3] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 555.

«имеют честь быть в числе санкюлотов». Он заверял депутатов Горы в готовности санкюлотов поддержать их своими пиками. Наконец, что важнее всего, он безоговорочно поддерживал политику якобинцев во всех важнейших общенациональных вопросах: борьбе с внутренней контрреволюцией, возглавленной жирондистами, и в войне с иностранной коалицией.

Не выступал Ру и против якобинской конституции[1]. Выдающийся предпролетарский революционер стремился не дискредитировать и отвергнуть ее, а дополнить и улучшить. Критикуя конституцию, как мы бы теперь сказали, за ее классовую, буржуазную ограниченность, Ру не делал помимо этого ни одного критического замечания в ее адрес. Указывая на недостаточность одного политического равенства для счастья народа, он никоим образом не отрицал и его огромного значения для бедняков, для санкюлотов. Начиная с конца июля 1793 г., у якобинской конституции не было более горячего поклонника и защитника, чем Жак Ру.

Несколько слов об отношении к конституции 93 г. других предпролетарских революционеров. Горячо поддерживая петицию Ру, Леклерк считал в ней главным не **конституционное** осуждение ажиотажа и спекуляции, **конституционное** ограничение свободы торговли, а требование введения всеобщего максимума и непримиримой борьбы с ажиотажем и спекуляцией во имя улучшения положения народных масс. Связывать же эти меры с конституцией представлялось ему по меньшей мере ненужным. «Вы осудили несколько человек во время представления вашего труда (конституции) и вы смотрели на выражение несходного желания, как на преступление, — писал он, обращаясь к якобинцам, в своей газете в начале сентября 1793 г. — Вы были правы, и я разделял ваше мнение, потому что бывают обстоятельства, когда надо пропускать мелкие недостатки и не останавливаться на грешках, если внутреннее спокойствие зависит от большей или меньшей быстроты, с которой принимают решения»[2]. Таким образом, Леклерк не только не выступал **против** якобинской конституции, но почти полностью одобрял ее и поддерживал.

[1] В исторической литературе вопрос об отношении Жака Ру и других предпролетарских революционеров к якобинской конституции в июне — начале июля 1793 г. нашел в основном правильное освещение в статье Н. Фрейберг «Декрет 19 вандемьера и борьба Бешеных за конституцию 1793 г.». (Историк-марксист, 1927, т. 6, стр. 152).

[2] L'Ami du Peuple par Leclerc de Lion, N XX, p. 3.

Варле и большинство других сторонников Жака Ру относились к конституции 93 г. так же, как и Леклерк. Для всех для них главным в петиции Ру, почему они ее и поддерживали, было требование непримиримой борьбы с ажиотажем и спекуляцией. Вопрос же о том, будет ли декрет, карающий смертью спекулянтов и скупщиков, включен в конституцию или нет, не представлялся им, повидимому, сколько-нибудь существенным.

Чтение Жаком Ру своей петиции неоднократно прерывалось ропотом депутатов. После резких слов оратора о том, что депутаты Горы не оставят неоконченным свой труд и не увенчают позором своей карьеры, ропот стал столь угрожающим, что один из членов депутации поспешил отмежеваться от петиции. Его слова о том, что это не та петиция, которую одобрила секция Гравилье, дали некоторым депутатам повод потребовать немедленного ареста оратора. Тем не менее Ру получил возможность договорить. Решающую роль сыграло в этом безусловно, то обстоятельство, что в противоположность депутатам, трибуны приветствовали петицию шумными аплодисментами.

Атаку против Жака Ру начал дантонист Тюрио. В петиции Ру его особенно возмутила проповедь непримиримости интересов богатых и бедных. Обвинив Ру по этому поводу в распространении принципов анархии, Тюрио стремился представить его вместе с тем агентом Кобурга. Далее Тюрио попытался представить агитацию Ру беспочвенной и потому злонамеренной. «Он (Ру) хорошо знал, впрочем, что уже требовали таксы на съестные припасы, что Собрание (Конвент) этим занималось и что запрещение ажиотажа не должно было входить в конституцию, но он хотел обмануть народ и особенно эти две секции — Бон-Нувель и Гравелье...». В заключение представитель правого крыла Горы и одновременно Болота потребовал, чтобы с одной стороны Жаку Ру было отказано в почетном присутствии на продолжении заседания Конвента (случай в практике Конвента очень редкий) и чтобы комитет надзора выяснил, не скрывается ли за всем этим большой заговор, а с другой стороны, чтобы Конвент обязал Комитет сельского хозяйства и торговли «представить в короткий срок доклад о ранее сделанном предложении таксировать съестные припасы, которое было отослано в этот комитет». Итак, сделать путем частичного удовлетворения пожеланий санкюлотов беспочвенной агитацию и деятельность Ру, оторвать от него народные массы — так формулировал задачи якобинцев в создавшейся ситуации Тюрио.

Тюрио сменил на трибуне Робеспьер. «Вы легко заметили, заявил он, — вероломное намерение оратора: он хочет придать патриотам оттенок умеренности, который заставил бы их потерять доверие народа». Робеспьер сказал главное. Боязнь потерять поддержку, доверие народа (в данном случае в лице парижского плебейства) и, вместе с тем, нежелание принять его социально-экономическую программу, сформулированную Жаком Ру, — в этом основная причина столь дружного и ожесточенного выступления монтаньяров против главы предпролетарских революционеров и его петиции. Борьба шла за народные массы, за руководство этими массами. Якобинцев встревожило в первую очередь не то, что Ру указывал на недостатки конституции, а то, что он открыто возлагал ответственность за эти недостатки уже не только на жирондистов, но и на Гору Конвента. Их встревожило то, что в этих своих требованиях он опирался на поддержку второго по значению политического клуба и двух секций столицы да и не только на них! Негодование якобинцев и их яростные нападки на Ру были вызваны не «вызывающей формой» его выступление самой по себе, как это утверждает Матьез, а тем обстоятельством, которое обусловило эту «вызывающую», независимую форму — влиянием, которым пользовался Ру **и его программа** среди санкюлотов Парижа, и той поддержкой, которую они ему оказывали.

Вслед за Робеспьером в полном согласии с ним и с Тюрио выступили Леонар Бурдон, Билло-Варенн, Шарлье и Лежандр. Отклонив требование Шарлье о немедленном аресте Жака Ру, Конвент ограничился недопущением его к присутствию на продолжении своего заседания.

Петиция Жака Ру слушалась на вечернем заседании Конвента. В секции Гравилье в это время шло общее собрание, о котором мы знаем из протокола этого собрания.

«Несколько граждан явились объявить собранию, что петиция, представленная Национальному Конвенту гражданином Жаком Ру, хотя и приветствуемая аплодисментами частью трибун, была принята как нельзя хуже...».

Они сообщили также о предательском поведении одного из членов депутации, заявившего, что Ру прочел не ту петицию, которая была одобрена секцией, что дало некоторым депутатам повод потребовать его ареста.

«При этой новости обнаружилось движение негодования, общее собрание хочет отправиться в полном составе в Конвент просить, чтобы гражданин Жак Ру был ему возвращен, но по

предложению одного члена оно постановляет, что его комитет общественного спасения будет уполномочен навести справки относительно мотивов, которые были причиной ареста гражданина Жака Ру, чтобы сделать ему об этом доклад на текущем заседании и принять затем меры, которые ему продиктует мудрость».

Явившийся в этот момент Ру получил от своих сограждан «наиболее лестные свидетельства дружбы и уважения». Рассказав обо всем, что только что произошло в Конвенте (и, в частности, упомянув, что ему отказали в слове для ответа на выдвинутые против него обвинения — деталь о которой ничего не говорится в газетных отчетах о заседании Конвента), Ру попросил разрешения «ради чести секции» вторично прочесть свою петицию.

Многочисленное общее собрание секции, заслушав вторично чтение петиции, дружно аплодировало Ру и единодушно постановило, что это та самая петиция, которая была ранее одобрена секцией. Собрание вновь одобрило принципы, изложенные в петиции, и предписало своему комитету общественного спасения разыскать оклеветавшего Жака Ру в Конвенте «индивидуума». Для сообщения обо всех этих постановлениях было решено послать в секцию Бон-Нувель и в Конвент четырех комиссаров[1]. В своей секции вождь «бешеных» получил таким образом полную поддержку.

На следующий день Жак Ру получил подобные заверения и от секции Бон-Нувель[2]. В тот же день депутация Комитета общественного спасения Парижского департамента, явившаяся в Конвент, призывает его объявить вне закона бежавших жирондистских депутатов, и требует затем, под дружные аплодисменты трибун, законов против скупщиков и таксации всех припасов. «Займитесь таким образом... счастьем народа; это единственный способ спасти его, и он будет вам за это благодарен»[3].

---

[1] Этот протокол был напечатан Ру вместе с текстом его петиции Конвенту и перепечатан Матьезом в «Анналах революции», 1914, стр. 558. Излагая этот протокол на 172 и 173 страницах своей «Борьбы с дороговизной...» (русский перевод) Матьез упорно приписывает его клубу кордельеров. И это не ошибка переводчика. В экземпляре «Борьбы с дороговизной...» (на французском языке) с авторской правкой Матьеза, хранящемся в библиотеке Института марксизма-ленинизма (экземпляр с которого был, по всей вероятности, сделан русский перевод) имеется на страницах 224—225 та же ошибка.

[2] Захер, цит. соч., стр. 69.

[3] Парламентские архивы, I серия, т. 67, стр. 515.

Борьба, развернувшаяся между якобинцами и «бешеными», осложнилась, начиная с 26 июня стихийно вспыхнувшими в Париже волнениями из-за недостатка мыла. Эти волнения (длившиеся с 26 по 28 июня) были порождены теми же причинами, что и движение плебейских масс под руководством Ру, Леклерка и других предпролетарских революционеров. Они возникли стихийно на почве крайне тяжелого и все ухудшающегося положения парижской бедноты. Мы не имеем решительно никаких данных, говорящих о причастности Ру, Леклерка, Варле и Лакомб к подготовке этого выступления народных низов (если такая подготовка вообще имела место) или руководству им (которое также отсутствовало). Даже противники предпролетарских революционеров не пытались после первого дня волнений из-за недостатка мыла приписать эти волнения их агитации. Да и в дальнейшем, при всем своем старании изобразить Ру, Леклерка и Варле организаторами и руководителями «мыльного бунта», якобинцы не могли привести ни единого факта, который бы подтверждал эти обвинения. Власти были даже вынуждены отметить, что республиканки-революционерки (вожаком которых была Лакомб), способствовали прекращению «мыльных» волнений.

Волнения по поводу мыла были использованы не предпролетарскими революционерами, а против них. Не будучи причиной выступления якобинцев против Ру, Леклерка и Варле в конце июня — начале июля 1793 г., они оказались чрезвычайно удобным предлогом для нанесения удара по руководителям движения плебейских масс.

Нарастание секционного движения против дороговизны под руководством предпролетарских революционеров и волнения из-за недостатка мыла нашли свой отклик в Конвенте. 27 июня Конвент, впервые после народного восстания 31 мая—2 июня, посвятил целое заседание продовольственному вопросу, не приняв, однако, кроме декрета о временном закрытии биржи, никаких существенных решений.

Несмотря на резкость, с которой монтаньяры обрушились на Жака Ру и его петицию вечером 25 июня в Конвенте, два следующих дня прошли без каких бы то ни было выступлений против «бешеных» с их стороны. Заседание Якобинского клуба вечером 26 июня происходило без всяких упоминаний о Ру. Говорилось же на этом заседании о необходимости возобновления или, по крайней мере, чистки революционного трибунала. А представительница Общества республиканок-революционе-

рок Клара Лакомб в завуалированной, правда, форме выступила против Дантона.

Не было речи о Ру и его петиции и в Конвенте 27 июня. Никто из выступавших не пытался связать начавшиеся накануне волнения ни с петицией Ру, ни с агитацией и деятельностью предпролетарских революционеров вообще.

Единственным известным нам враждебным откликом на петицию Жака Ру в течение 26 и 27 июня явилось выступление Шомета в Коммуне 26 июня. Прокурор Коммуны выразил свое возмущение тем, что Ру осмелился критиковать новую конституцию и что он обвинял законодателей в том, что «они в этой конституции покровительствуют скупщикам». Многие члены поддержали Шомета и «резко осуждали принципы аббата Жака Ру». Но, как справедливо замечает Матьез, «надо полагать, что другие члены защищали последнего, потому что дебаты кончились не так, как этого хотел Шомет. Совет отказался выразить порицание вождю «бешеных»... Более того, Совет Коммуны назначил двух комиссаров, правда, по предложению Шомета, «чтобы поторопить Комитет земледелия Конвента с докладом о средствах удешевления съестных припасов...»[1]. Тактика Шомета, как мы видим, была аналогична тактике монтаньяров в Конвенте.

Вечером 27 июня Жак Ру появился у кордельеров, приветствовавших его возгласами: «Да здравствует Жак Ру! Да здравствуют санкюлоты!». Прочитав свою петицию, Ру перешел к рассказу о приеме, оказанном ему в Конвенте.

«Поверите ли вы этому! Ваши представители заставили меня выпить длинными глотками чашу горечи: сам Леонар Бурдон упрекнул меня, что я являюсь продажным священником, который льстит народу, вводя его в заблуждение; Лежандр сказал, что надо меня изгнать; Колло д'Эрбуа досаждал мне своими оскорбительными ответами. Все они составили заговор против меня или скорее против свободы. Те, кто меня сопровождал к решетке Конвента, оставили меня одного и отреклись от петиции; когда я сказал, что выражаю пожелания общества кордельеров Лежандр меня опроверг от вашего имени; я знаю, —сказал он, принципы этого общества; оратор вводит нас в заблуждение, он выклянчил одобрение нескольких секций, которые он ввел в заблуждение.

Вот поведение Лежандра. Газеты слишком много рассказывали об этой петиции, чтобы она не заслуживала всяческого

[1] Матьез, цит. соч. стр. 173.

внимания Общества. Я считал, что я тем более говорил языком народа, что все трибуны Конвента гремели аплодисментами, в то время как Гора страстно роптала и шумела»[1].

«Эта речь, — говорит «Французский курьер», — явилась точно электрической искрой. Она зажгла огонь энтузиазма во всех сердцах. Общество приняло принципы Жака Ру; оно постановило расклеить его адрес и послать его в Конвент, в секции и административные органы».

Воодушевленный этой победой Жак Ру продолжал: «Можно ли меня упрекать в том, что я священник? С той уверенностью, которую дает победа, те, кто в настоящее время вменяют мне в вину эту профессию, некогда смотрели на меня как на Иоава, когда я встал во главе революции и завоевал народ для свободы и свободу для народа»[2].

Кордельер Дюре, так пылко выступавший при обсуждении клубом петиции Жака Ру 22 июня, предложил послать депутацию в Конвент, чтобы вновь «отнести туда эту петицию и выразить чувства Общества». Он предложил также выразить порицание Лежандру, который был членом клуба.

Предложения Дюре были одобрены и приняты, когда на трибуну поднялся Леклерк. «Я требую, — заявил он, — чтобы без получения более подробных сведений Лежандр был вычеркнут из списка кордельеров. Последний раз, когда он показался на этой трибуне, он говорил нам одни пустые фразы. Имеем ли мы необходимость в других доказательствах? (Разве он не сказал здесь, что он не признает принципов крови, которые исповедуют в этом Обществе?). Не объявил ли он, что не может всегда прямо одобрять наши принципы? Не заставлял ли он терпеть крушение мудрые меры, которые мы принимали столько раз, чтобы искоренить наших врагов? Это он с Дантоном своим преступным сопротивлением принудили нас к модерантизму в дни 31 мая; это Лежандр и Дантон воспротивились революционным мерам, которые мы приняли в эти великие дни, чтобы уничтожить всех аристократов Парижа; это Лежандр связал нам руки, это Лежандр сегодня опровергает наши принципы. Я требую, чтобы Общество без дискуссии изгнало его из своей среды».

«Это предложение было поддержано и живо приветствуемо

[1] Бюше и Ру, цит., соч., т. XXVIII, стр. 219—220.
[2] Матьез, цит. соч., стр. 178.

аплодисментами. Председатель[1] отказался поставить его на голосование. Последовало очень сильное волнение, среди которого Моморо попытался бросить несколько фраз в защиту Лежандра и Горы. Один из членов добился того, что заставил услышать слова: «Мои друзья, откройте же глаза; мы не имеем другого сборного пункта, кроме Горы; мы погибли, если она не будет с нами». («Прекрасные соображения» ответили ему присутствующие). Тогда в клубе воцарилась тишина, и Моморо воспользовался ею, чтобы напомнить все благодеяния левой стороны Конвента. Он закончил, поддержав петицию Жака Ру: он сказал, что она была составлена в наилучших принципах, но что некоторые фразы были дурно истолкованы Горой. Он потребовал, наконец, чтобы Лежандр был выслушан прежде, чем быть судимым. Кордельеры одобрили заключение Моморо; решили, что Лежандр будет вызван, чтобы дать отчет в своем поведении»[2].

Так закончилось это интереснейшее заседание кордельеров, значение которого для понимания дальнейших событий трудно переоценить.

Заседание кордельеров 27 июня ясно показало, что руководство клубом кордельеров—вторым по значению политическим обществом столицы да и всей Франции, сильным своими традициями застрельщика и активного участника всех революционных бурь и являвшимся признанным вождем парижских санкюлотов, перешло в руки предпролетарских революционеров. Клуб полностью солидаризировался как с Жаком Ру лично, так и с его петицией. Более того, клуб, правда, не до конца, поддержал выступление Леклерка против Лежандра и Дантона.

Следует отметить существенное различие в тактике между Жаком Ру и Леклерком, выявившееся лишний раз на этом заседании. Несмотря на все свое раздражение против монтаньяров, так враждебно отнесшихся к его петиции, Жак Ру не шел у кордельеров дальше жалоб на их несправедливое к нему отношение, и, воздерживаясь от каких-либо выпадов против Горы, стремился прежде всего к реабилитации своей петиции и ее принципов. Иное дело Леклерк. Его в какой-то мере авантюристическое выступление было прямым вызывом Горе.

---

[1] Руссильон, присяжный революционного трибунала.

[2] Бюше и Ру, цит., соч., т. XXVIII, стр. 219—221. Фразы в скобках заимствованы из отчета «Французского курьера» за 1 июля 1793 г., который цитируется Матьезом в его книге «Борьба с дороговизной...».

Якобинцы не могли пройти мимо факта превращения «бешеных» в значительную **политическую** силу. Их наступление против предпролетарских революционеров началось уже на следующий день речью Робеспьера в Якобинском клубе.

§2. ВЫСТУПЛЕНИЕ ЯКОБИНЦЕВ ПРОТИВ РУ, ЛЕКЛЕРКА И ВАРЛЕ В КОНЦЕ ИЮНЯ— НАЧАЛЕ ИЮЛЯ 1793 г.

Генеральному наступлению якобинцев на предпролетарских революционеров в конце июня—начале июля предшествовала ожесточенная война, которую вел с ними Эбер на страницах «Отца Дюшена» с первых же дней после народного восстания 31 мая—2 июня.

Внимательный анализ номеров «Отца Дюшена» за июнь и сравнение, сопоставление его высказываний с выступлениями Ру и Леклерка, с их требованиями убеждает нас, что на протяжении всего этого времени Эбер неустанно ведет борьбу на два фронта — против жирондистов и, не называя имен, против плебейских, предпролетарских революционеров.

Уже во втором после народного восстания 31 мая—2 июня номере «Отца Дюшена» (в первом, 242 номере Эбер не затрагивает каких-либо социально-экономических вопросов) устами раскаявшегося в своем недоверии к санкюлотам «старого скареда» Эбер начал свою затянувшуюся почти на месяц проповедь всеобщего примирения, примирения богатых с бедными, санкюлотов с лавочниками, ремесленно-рабочего Сент-Антуанского предместья с жирондистской секцией Бютт-де-Мулен. «Прошу извинения, отец Дюшен, сказал мне наш старый скаред; я вас считал крамольником, дезорганизатором, я вижу напротив, что вы хорошо организуете республику, вы, санкюлоты, потому что вы сохраняете мою собственность... Я думаю, что в интересах богатых осанкюлотиться; так как, если мы все не объединимся, заграницей воспользуются нашими раздорами, вторгнуться во Францию и тогда что станется с моими домами, с моими драгоценными вещами? Да, отец Дюшен, я искренне примиряюсь с санкюлотами; это честные люди, потому что они совершили великую революцию, не пролив ни одной капли крови, не причинив булавочного убытка кому бы то ни было»[1].

Следующий 244 номер был направлен уже непосредственно против «бешеных». Как в этом, так и в ряде последующих

---

[1] Pére Duchesne, N 243, p 7. Коллекция Института марксизма—ленинизма.

номеров Эбер стремился представить предпролетарских революционеров жирондистами наизнанку и поставить и тех и других на одну доску, как платных агентов Англии. «Англия оплачивает множество негодяев, которые рассыпаются по департаментам, чтобы разжигать повсюду гражданскую войну; они говорят богатым: опасайтесь санкюлотов, они хотят лишить вас вашей собственности, они хотят установить аграрный закон. Другие приходят в наши лавки, в наши мастерские проповедывать нам убийство и резню: ограбьте богатых, — говорят нам они, вы никогда не будете свободными и счастливыми пока будут существовать богатые». И тем и другим Эбер противопоставляет призыв к единству богатых и санкюлотов. Примечательно, что, рисуя картину подобного согласия всех со всеми «Отец Дюшен», не может обойтись без многочисленных «если». «Если бы богатые не были подлыми эгоистами, если бы они меньше любили свой несгораемый шкаф...», «если бы санкюлоты отколотили на славу остолопов, которые приходят сбивать их с толку на их чердаки, сообщая им ложные новости и давая им дурные советы...». Очевидно, что ни богатые не переставали быть подлыми эгоистами, ни санкюлоты слушать «остолопов», заявлявших, что бедняки никогда не будут свободными и счастливыми, пока будут существовать богатые.

В том же номере Эбер обрушивался на Ру, Леклерка и Варле и в связи с событиями 31 мая—2 июня, вновь старательно выставляя их сообщниками жирондистов. «В то время, как весь Париж был на ногах, негодяи ходили взад и вперед по секциям, чтобы возбудить граждан друг против друга; они говорили одним: вас собираются обезоружить, Сент-Антуанское предместье собирается обрушиться на вас, будьте настороже, отразите силу силой, противопоставьте угнетению сопротивление. Вы, санкюлоты предместий, говорили другие наглецы, идите против лавочников, которые вас предают и которые хотят заставить вас забыть вкус хлеба». Но, к счастью, заканчивал Эбер, «лавочники и санкюлоты почувствовали, что они имеют нужду друг в друге: они обнялись и поклялись в дружбе и братстве»[1].

Успокоение богатых «Отцом Дюшеном» продолжалось из номера в номер. «Санкюлоты совсем не хотят собственности; но они не хотят, чтобы богатые были их господами» (т. е. они требуют равенства политических прав — так, по-видимому, следует понимать слова «они не хотят, чтобы богатые были

[1] «Отец Дюшен», № 244, стр. 4.

их господами»)[1]. В 246 номере, приветствуя новый проект конституции, представленный Конвенту, «Отец Дюшен» вновь советовал богатым и бедным «чтобы они все держались за руки, вместо того, чтобы выцарапывать друг другу глаза». «Богатые, исполненные недоверия и пугающие себя все время воображаемым зрелищем разграбления и захвата своей собственности, будьте теперь спокойны: закон будет вам покровительствовать и вас защищать»[2].

В 250 номере «Отца Дюшена» Эбер возвращался к полемике с предпролетарскими революционерами по поводу оценки результатов народного восстания 31 мая—2 июня. «Одни (подразумеваются, безусловно, «бешеные») говорят: вот неудавшееся дело, мы не сумели использовать момента. В то время, как мы были на ногах, надо было перебить, перерезать всех подозрительных людей...». Я отвечаю первым, что они или недобросовестны, или глупцы, так как парижане совершили в этой революции все, что они должны были, все, что они могли совершить». Причиной успешного, по мнению Эбера, исхода событий 31 мая—2 июня было единство секций, «счастливый союз» граждан секции Бютт-де-Мулен с бравыми парнями Сент-Антуанского предместья, бескровность революции»[3].

Слов нет, единение всех сил революционной Франции было летом 1793 г. насущно необходимо для успешной борьбы как с внутренней, так и с внешней контрреволюцией. Но так же ясно и то, что Эбер (не на словах, а на деле) озабочен в это время не тем, как обеспечить дальнейшую поддержку революции санкюлотами, плебейскими массами, а тем, как привлечь на ее сторону собственников, буржуазию. Вольно или невольно Эбер выступает в июне 1793 г., как рупор даже не мелкой буржуазии, а революционной буржуазии вообще. Мы не найдем в но-

[1] «Отец Дюшен», № 245, стр. 7.
[2] Там же, № 246, стр. 6—7.
[3] Там же, № 250, стр. 2.
«Я не перестаю проповедывать союз добрых граждан, — писал Эбер в 251 номере «Отца Дюшена», — и я буду им всегда говорить то же самое. Никогда наши враги не ужалят нас, если мы не разъединимся. Богатые, бедные, слабые, сильные, если вы не объединены, вы пропали. Вы уподобитесь немощному старику, который стал бы опираться при ходьбе на слабую тросточку; тяжесть его тела заставила бы сломаться эту слабую опору и из-за отсутствия осторожности немощный сломал бы себе шею. Но если он соединит несколько тростинок, если он из них сделает основательный пучок, они не сломаются, они будут его поддерживать и он сможет спокойно итти. Таков образ республики...» (там же, № 251, стр. 1—2).

мерах «Отца Дюшена» за июнь характерных для плебейских масс социально-экономических требований: о борьбе с дороговизной путем установления максимума на все предметы первой необходимости, об искоренении скупки и спекуляции, об обеспечении бедноты работой и т. д. Более того, и прямо и косвенно Эбер из номера в номер выступал против этих требований народных масс.

Какие же меры, какие же средства предлагал он сам санкюлотам для облегчения их чрезвычайно тяжелого материального положения, о котором Эбер хотя и не писал, но игнорировать которое все же не мог? Таким единственным средством, универсальным лекарством от всех зол, угнетавших плебейские массы, была для Эбера на протяжении июня новая конституция.

В первом же номере «Отца Дюшена», появившемся после народного восстания 31 мая—2 июня (№ 242), Эбер, выразив свою радость по поводу великой революции, свергшей жирондистов, в качестве своего основного программного требования высказывал пожелание, чтобы монтаньяры «наверстали потерянное время и дали нам хорошую конституцию»[1]. Бравые парижане должны оставаться на ногах, «пока отечество будет в опасности и пока будет создана конституция», — призывал он в следующем номере[2]. Тот же призыв—скорейшая выработка конституции — повторялся им затем из номера в номер»[3].

Но вот проект новой конституции, наконец, готов и представлен Комитетом общественного спасения Конвенту. Эбер посвятил этому событию весь 246 номер своей газеты. Даз сатирическое изображение того, как создавалась жирондистская конституция и что она из себя представляла, без всякой, однако, ее критики по существу, Эбер переходит к безудержному восхвалению проекта новой конституции, говоря о ней так, как будто она была уже закончена и принята Конвентом. «Храбрые санкюлоты, — обращался «Отец Дюшен» к своим читателям, — защитите это дитя (конституцию), которое является сегодня вашей **единственной** (подчеркнуто мною.—С. С.) надеждой; вы громко требовали конституцию—вот вам хорошая конституция, сплотитесь вокруг нее. Богатые, исполненные недоверия и пугающие себя все время воображаемым зрелищем разграбления, захвата своей собственности, будьте теперь спокой-

[1] «Отец Дюшен», № 242, стр. 1.
[2] Там же, № 243, стр. 1.
[3] Там же, №№ 244 и 245.

ны—закон будет вам покровительствовать и вас защищать. Вы, бедняки, изнуренные нуждой и трудом, утешьтесь—эта конституция обеспечивает вас работой и продовольствием; не будет больше нищенства. Бравый парень, поработавший в течение своей молодости, будет иметь печеный хлеб в старости; он будет накормлен, одет и будет иметь жилище за счет республики»[1].

Восторги Эбера по адресу новой конституции росли не по дням, а по часам, о чем свидетельствует 249 номер «Отца Дюшена», вышедший в начале 20-х чисел июня. «Эта конституция будет пробным камнем для распознавания всех добрых граждан. Нет ни одного, который не должен был бы присоединиться к ней. Если богатый хочет сохранить свою собственность, если трус хочет быть спокойным, они должны благословлять Гору, которая дает им, наконец, законы, по которым они так изголодались. Санкюлоты найдут ее выгодной для себя, так как эта конституция, целиком основанная на свободе и равенстве, даст им независимость от богатых и обеспечит им работу и продовольствие. Она сокрушит ажиотаж и скупку, повлечет за собою мир, оживит торговлю и возродит изобилие»[2].

Был ли Эбер искренен или же он сознательно вводил в заблуждение своих читателей санкюлотов относительно тех благ, которые им сулила новая конституция? Нам кажется, что подобная оценка конституции 1793 г. Эбером вытекала из его мировоззрения — мировоззрения мелкобуржуазного демократа, превыше всего ставящего политическое равенство и... сохранение и упрочение права частной собственности. «...Нет бедствия сравнимого с королевской властью и в сравнении с ней война, чума и **голод** (подчеркнуто мною.—С. С.) являются розами»—заявлял Эбер в том же 249 номере[3]. С конституцией и хороши-

[1] «Отец Дюшен», № 246, стр. 6—7.

[2] Там же, № 249, стр. 6—7.

[3] Там же, № 249, стр. 5.

ми законами мы восторжествуем повсюду...»[1]. «Хорошие законы, единение, мир вернут изобилие»[2].

Итак, если судить по всей совокупности высказываний Эбера относительно конституции, то необходимо прежде всего отметить, что на первое место среди ее достоинств он ставит защиту конституцией частной собственности. Это то, что делает конституцию по его мнению (и мнению вполне справедливому) выгодной для богатых. Выгодной же для бедных конституция, по мнению Эбера, являлась прежде всего и главным образом потому, что она обеспечивала равенство политических прав всех граждан, а следовательно, «независимость» бедняка от богача. Поддержка петиции Жака Ру санкюлотами собственной секции Эбера Бон-Нувель явилась достаточно убедительной оценкой его взглядов по данному вопросу с точки зрения плебейских масс.

Критика якобинской конституции Жаком Ру и волнения по поводу мыла, начавшиеся 26 июня, дали новый толчок выступлениям «Отца Дюшена» против «бешеных». Особый интерес в этом отношении представляет вышедший между 27 и 29 июня 252 номер газеты Эбера.

«Великий гнев Отца Дюшена против негодяев, подкупленных Англией, чтобы возбуждать грабеж в Париже и разжигать гражданскую войну, чтобы помешать установиться конституции. Его добрые советы бравым санкюлотам, чтобы они соблюдали принесенную ими присягу уважать личность и собственность и чтобы они не останавливались на мелочах, объявляя войну торговцам сахаром, вместо того..., чтобы отправиться всем вместе против разбойников Вандеи», — так озаглавил Эбер тот примечательный номер. Если в начале июня Эбер стремился представить предпролетарских революционеров единомышленниками жирондистов, то теперь он объявлял их не более не менее, как сообщниками... скупщиков и, само собой

[1] «Отец Дюшен», № 249, стр. 6—7.

[2] Там же, № 252, стр. 8.

Свои похвалы новой конституции Эбер продолжал расточать и в июле. «Если новая конституция покровительствует собственности, если она охраняет права всех людей, если она обеспечивает продовольствие бедным, старикам и немощным, если она является ясной и доступной всем, она является хорошей...» — писал Эбер в 256 номере своей газеты. А в 261 номере, вышедшем через несколько дней после смерти Марата, он вкладывал в уста честных санкюлотов Кальвадоса, Финистера и других мятежных департаментов следующее рассуждение: «Монтаньяры не являются... грабителями с большой дороги, потому что они создают мудрейшие законы, чтобы поддерживать собственность...» (там же, № 261, стр. 2).

разумеется, агентами Англии. «У санкюлотов хотят не только отнять хлеб, но еще и сбить их с дороги. Им советуют глупости, способные ввергнуть их в самую ужасную нужду. «Вы очень глупы, говорят им некие лицемеры, когда так дорого платите за съестные припасы, почему не ограбите вы купцов? Почему не заставите вы их продавать вам свои товары по угодной вам цене?»... Разве вы не видите их ловушек? не чувствуете, что это сами скупщики стараются толкать вас на грабеж, чтобы иметь предлог повышать цены на свои товары и продавать их вам на вес золота?»

Таким образом, выступая против грабежа, Эбер одновременно выступал и против максимума, называя его «глупостью».

«Я признаю, что нужда народа является ужасающей, — продолжал Эбер, — но какова причина этого? Без сомнения существуют скупщики, и я хотел бы, чтобы пятьсот миллионов гильотин изрубили их на мелкие куски. Но где находятся эти скупщики? В Париже? Нет, черт возьми, но в больших торговых городах; там и надо их искать, а не в Париже, где имеются только розничные торговцы. Миллионерам Бордо и Марселя, наплевать, что разграбят одно из их судов на Сене, когда их магазины и корабли переполнены товарами».

Нельзя отказать Эберу в ловкости. Да, нужда народа велика. Отрицать это он не решался. Но какова причина этой нужды? Предпролетарские революционеры утверждали, что такой причиной являются скупщики. Эбер не отрицал того, что скупщики «существуют». Но... в Париже их нет. В Париже есть только розничные торговцы. Скупщиков же, миллионеров надо искать в Бордо, Марселе и других больших торговых городах. Выступление народных масс является таким образом бесцельным и напрасным, а агитация «бешеных» — злонамеренной. Скупщиков то в Париже нет! Что же касается бедственного положения народных масс, то основной причиной этих бедствий являлось, по мнению Эбера, долгое отсутствие хороших законов, хорошей конституции. «...Если бы Конвент всегда шел как сейчас; если бы он не терпел так долго в своем лоне кучку мошенников, вставлявших палки в колеса, он создал бы такие хорошие законы для защиты слабого от сильного, бедного от богатого, что мы уже собирали бы плоды революции». Поэтому теперь важнейшей задачей санкюлотов должна быть защита новой конституции и всемерная поддержка давшего ее народу Конвента. Вместо того, чтобы ловить мух, объявляя войну торговцам сахаром и мылом, они объявят ее «негодяям, которые

продают родину» и скупщикам золота и серебра, состоящим на жалованье у Англии, Испании и России. И тогда «...хорошие законы, единение, мир вернут изобилие...»[1].

Мы ничего не знаем о приеме, оказанном читателям санкюлотами 252 номеру «Отца Дюшена», но, повидимому, прием этот был не весьма благосклонным. Во всяком случае уже в следующем, 253 номере Эберу пришлось сдать многие позиции.

Внешне — это все та же проповедь единения богатых и бедных, обращенная к богатым. Но только внешне. Впервые в июне гнев «Отца Дюшена» направлен против «негодяев финансистов, скряг, монополистов, скупщиков, которые обожествляют свой несгораемый шкаф и возбуждают беспорядок и грабеж, чтобы совершить контрреволюцию». Более того, скупщики, об отсутствии которых в Париже Эбер так красноречиво распространялся в предыдущем номере, стремительно «возвращаются» в столицу. **«...Скупщики, монополисты Парижа** (подчеркнуто мною. — С. С.); вы не имеете другого выбора, как только броситься безбоязненно к санкюлотам; с ними вам нечего будет бояться, и ваша собственность будет обеспечена. Патриоты требуют от вас только стремления не вредить им; но горе вам, если вы продолжаете замышлять что-либо против республики, если вы продолжаете прятать съестные припасы и грабить». Как мы видим, хотя Эбер и продолжал проповедывать примирение буржуа с санкюлотами, он вынужден сопровождать теперь свои призывы к собственникам прямыми угрозами по их адресу. Заканчивался 253 номер, опять таки впервые в июне, требованием «хороших законов против дороговизны съестных припасов и скупок, быстрого вспомоществования бедным, народного просвещения, столь же необходимого, как хлеб»[2].

Какой важный вывод позволяет сделать анализ 252 и 253 номеров «Отца Дюшена»? Во-первых, тот, что еще в конце июня, в период, когда достигла наивысшей остроты агитация Ру, Леклерка и других предпролетарских революционеров и вспыхнули волнения по поводу мыла, Эбер выступал против таких требований плебейских низов, как максимум, борьба со скупкой и т. д. Сознательно искажая истину (своим утверждением об отсутствии в Париже скупщиков, например) Эбер вводил в заблуждение санкюлотов Парижа, стремился сорвать их движение за удовлетворение своих насущных материаль-

[1] «Отец Дюшен», № 252.
[2] «Отец Дюшен», № 253.

ных нужд и дискредитировать предпролетарских революционеров в глазах народных масс. Вместе с тем Эбер **вынужден** был ходом событий постепенно отказываться от этих своих взглядов и подхватывать требования плебейских масс, сформулированные с наибольшей отчетливостью Ру и Леклерком. Эволюция во взглядах Эбера в сторону частичного заимствования социально-экономической программы предпролетарских революционеров начинается, таким образом, уже с конца июня 1793 г.

Давление плебейских масс на Эбера было особенно интенсивным и непосредственным ввиду того, что как уже указывалось выше, секция Бон-Нувель, в которой жил Эбер, шла в конце июня не за ним, а за Жаком Ру. Секция Бон-Нувель наряду с секцией Гравилье присоединилась к петиции Ру Конвенту.

Выпады «Отца Дюшена» против «бешеных» были вплоть до последних чисел июня своего рода партизанскими вылазками. В решительное наступление против предпролетарских революционеров якобинцы переходят только после глубоко встревожившего их торжества Жака Ру и его сторонников в клубе кордельеров. Наступление это было возглавлено Робеспьером, который выступил 28 июня в якобинском клубе с большой речью, представлявшей собой настоящий обвинительный акт против «бешеных».

Свою речь Робеспьер начал с указания на руководящую роль Парижа в революции. Из этого он сделал вывод, что для спасения республики необходимо прежде всего поддерживать единство среди граждан «великого города», укреплять узы «союза и братства» между ними. И как на средство для этого Робеспьер недвусмысленно указывал на необходимость сохранить в Париже максимальное количество пушек и солдат. Пригрозив таким образом всем несогласным с монтаньярами применением оружия, Робеспьер перешел непосредственно к Жаку Ру и его единомышленникам.

Не понимая социально-экономической программы предпролетарских революционеров, считая ее неразумной[1] и вредной для дела самого же народа, Робеспьер не смог понять и мотивы и суть критики новой конституции Жаком Ру. Он искренне негодовал на эту критику и на упреки Ру в адрес Горы, отказывался верить в «чистоту взглядов» и «законность намерений» революционного священника.

---

[1] Характерно, что Робеспьер упрекал Жака Ру в невежестве.

«Клевещут на якобинцев, монтаньяров, кордельеров, этих старых атлетов свободы. Человек, прикрытый мантией патриотизма, но намерения которого являются по крайней мере подозрительными (Жак Ру), оскорбляет величие Национального конвента под предлогом, что конституция не содержит законов против скупщиков, а из этого следует заключить, что она совсем не годится народу, для которого она создана. Люди, которые любят народ, не говоря об этом, и которые беспрестанно работают для его благополучия, не хвастаясь этим, будут очень удивлены, услышав утверждение, что их произведение является антинародным и что они являются замаскированными аристократами»[1].

Но не критика конституции сама по себе была причиной выступления Робеспьера против предпролетарских революционеров. «Не о чем было бы больше говорить, — продолжал он, — если бы этот интриган, довольствуясь презрением, которого он был удостоен, остался бы в безмолвии позора; но утверждают, что этот человек явился на следующий день к кордельерам...»[2].

Поддержка Ру и его социально-экономической программы кордельерами, влияние, которым стали пользоваться «бешеные» в этом втором по значению политическом клубе Парижа да и всей Франции — такова была непосредственная причина выступления якобинцев против Ру, Леклерка и Варле в конце июня по признанию самого Робеспьера.

«Я заявляю, следовательно, — продолжал Робеспьер, — что те, кто проповедует против Горы Конвента являются единственными врагами народа. Когда мы станем бриссотинцами, мы будем рады стать жертвами нашего отступничества, но до этого опасайтесь этих интриганов, которые под маской патриотизма стремятся только к тому, чтобы ввергнуть вас в пропасть, из которой вы только начинаете выбираться»[3].

Пригрозив еще раз предпролетарским революционерам и их сторонникам, (а также сторонникам жирондистов) пушками секций, Робеспьер в заключение своей речи взял под защиту Комитет общественного спасения, призывая к умеренности в критике его действий и выражая надежду, что он найдет средства пресечь «дерзость» «бешеных».

---

[1] Бюше и Ру, цит. соч., т. XXVIII, стр. 229.
[2] Олар, цит., соч. т. V, стр. 278.
[3] Бюше и Ру, цит. соч., т. XXVIII, стр. 230.

Речь Робеспьера была поддержана многими видными якобинцами. Колло д'Эрбуа «в очень сильных выражениях» обвинил Жака Ру в анархии. Вслед за ним не названный по фамилии член клуба предложил послать к кордельерам депутацию из числа якобинцев, являющихся одновременно членами клуба кордельеров, «чтобы обратиться там к председателю с вопросом относительно братского поцелуя, который он дал Жаку Ру, и постановления общества о напечатании и расклейке его речи».

Одновременно с Робеспьером и якобинцами выступило против Жака Ру и руководство Коммуны. 28 июня Ру явился на заседание Генерального Совета. Он смело атаковал «злонамеренных людей», обвинивших его в обмане и подлоге, в том, что он прочел в Конвенте не ту петицию, которая была одобрена секциями Гравилье и Бон-Нувель и клубом кордельеров. Ру предъявил полномочия секций и заявил о полном одобрении петиции кордельерами. Но вождю «бешеных» не дали договорить. Взявший слово Шомет объявил его петицию «призывом к грабежу и покушению на собственность», а Гюйо обвинил его в прибавлении к ней «самых опасных и противогражданских фраз». Раздались голоса, требовавшие исключения Ру из Совета, «как виновника всех беспорядков, заставивших граждан опасаться за свое имущество». В конце концов обсуждение дела Жака Ру было отложено до следующего дня[1].

Интересно сравнить прения в Коммуне и выступления «Отца Дюшена» против Ру, Леклерка и их единомышленников с речью Робеспьера и вызванными ею прениями и у якобинцев. Робеспьера беспокоило прежде всего стремительно растущее влияние предпролетарских революционеров в секциях и, главное, в клубе кордельеров и критика ими новой конституции и действий Горы Конвента. Непосредственной причиной выступления Робеспьера у якобинцев 28 июня было заседание клуба кордельеров вечером предыдущего дня. Что же касается Коммуны и ее руководителей Шомета и Эбера, то они, дополняя Робеспьера, с большей непосредственностью и отчетливостью заявляют о неприемлемости для них социально-экономической программы предпролетарских революционеров, обвиняют Жака Ру в том, что его петиция является покушением на собственность, толкает на нарушение священного права частной собственности. Они связывают петицию Жака Ру и вообще всю агитацию предпролетарских революционеров с волнения-

[1] Матьез. цит. соч., стр. 180; Mortimer—Ternaux, Histoire de la terreur..., t. VIII, p. 399. P., 1881.

ми по поводу мыла и объявляют Ру вдохновителем и виновником этих волнений, «заставивших граждан опасаться за свое имущество».

29 июня Коммуна отстранила Жака Ру от редактирования своего бюллетеня[1]. А 30 июня якобинцы начали свое очередное заседание с избрания депутации для объяснений с кордельерами. В число двенадцати назначенных председателем депутатов вошли Колло д'Эрбуа, Робеспьер, Бантаболь и другие. Депутация тут же направилась через весь город в клуб кордельеров. О том, что произошло у кордельеров вечером 30 июня, известно как из газетных отчетов непосредственно о заседании клуба кордельеров, так и из подробного отчета Колло д'Эрбуа в якобинском клубе на следующий день.

Посылке депутации предшествовала, бесспорно, основательная предварительная «обработка» кордельеров. Были приняты меры для того, чтобы обеспечить численный перевес противникам Жака Ру, были по-видимому, подготовлены и ораторы. «Вчера, — отмечал с удовлетворением Колло д'Эрбуа, — совсем не было господства этих вожаков, которые заставили принять жесточайшую сатиру против Конвента»[2]. «...Сорок человек, не принадлежащих обществу, заняли места на скамьях, — писал впоследствии о заседании 30 июня Жак Ру. — Полицейские шпионы, мошенники и торговцы деньгами, вооруженные дубинами и по большей части пьяные, участвуют в прениях и голосуют как члены клуба кордельеров, которые были в незначительном числе. Трибуны с трех часов были заполнены главным образом, лицами, продавшимися заговорщикам»[3].

Заседание началось с чтения письма Марата, в котором он выдвигал ряд обвинений против Ру, Леклерка и Варле. Затем один из членов депутации якобинцев потребовал открыть прения о петиции Жака Ру. Колло д'Эрбуа, Робеспьер, Мэн, Эбер, Лежандр и ряд других ораторов обрушились на Ру, заодно и на Леклерка и Варле. Никто из обвиняемых не смог

[1] «Монитер», т. XVII, стр. 10.

[2] Колло д'Эрбуа имеет в виду петицию Жака Ру Конвенту.

[3] Олар, цит., соч., т. V, стр. 281—282.

получить слова. Было поставлено на голосование и принято предложение об исключении из членов Общества Жака Ру и Леклерка. Варле был исключен временно, до прохождения комиссии по чистке. Петицию Жака Ру было решено дезавуировать у решетки Конвента.

Все эти решения были приняты, как об этом справедливо писал Ру, в результате «очень сложной системы давления» на кордельеров, с нарушением всех установленных традиций и прав членов Общества[1]. Но даже при этих условиях якобинцам пришлось преодолеть значительное сопротивление.

Еще в ходе обсуждения вопроса о Жаке Ру и его петиции «Моморо хотел примирить умы», а «дискуссия была живой», сообщал отчет о заседании, помещенный во «Французском республиканце». После же принятия решения об исключении «страшный шум прервал обсуждение; двое изгнанных не могли заставить услышать свои голоса, **хотя они были поддержаны многими лицами**»[2]. «...Истинные кордельеры отомстили за меня..., — писал Жак Ру, — они неодобрительно отнеслись к этому позорному заседанию, где были нарушены права человека. Несколько гражданок в порыве негодования разорвали свои членские билеты; некоторые члены сделали то же самое после этого; другие не хотели возобновить их»[3].

Насильственное и незаконное исключение Жака Ру из клуба кордельеров стало сразу же одним из самых «убедительных» аргументов в руках его противников. Выражая 1 июля в особом постановлении свое порицание Ру, Генеральный Совет Коммуны уже ссылался на его исключение из клуба кордельеров[4].

---

[1] В выписке из протоколов якобинского клуба, сделанной в сентябре 1793 г. для департаментского комитета общественного спасения, собиравшего инкриминирующие Ру материалы, было сказано, что Ру и Леклерк были исключены «после того, как были выслушаны». Эта ложь является косвенным признанием самими якобинцами незаконности исключения Ру и Леклерка (Documents inédits sur Jacques Roux, publié par Henri Calvet. Annales historiques de la Révolution Francaise, 1932, p. 319).

[2] Подчеркнуто мною. Бюше и Ру, цит. соч., т. XXVIII, стр. 231—232.

[3] Jacques Roux à Marat. Фотокопия. Коллекция Института марксизма—ленинизма.

[4] Мортимер-Терно, цит. соч., т. VIII, стр. 320—321.

На это же постановление сослался и Марат в своей статье «Портрет Жака Ру», появившейся 4 июля в 234 номере «Публициста Французской республики»[1].

Подзаголовок статьи гласил: «Заговорщик из секции Гравилье и Общества кордельеров, изгнанный из этих народных собраний, так же как и его сообщники Варле и Леклерк». Эти слова передают смысл всей статьи Марата — Ру, Леклерк и Варле для него только заговорщики и интриганы, движимые корыстью, безумием, а может быть, и изменой. И эти «экзальтированные ложные патриоты, которые под маской патриотизма вводят в заблуждение честных граждан и увлекают их на путь насилия, авантюр, смелых и злополучных действий», представлялись Марату более опасными врагами «торжества свободы», чем аристократы, роялисты и контрреволюционеры.

Марат даже и не пытался полемизировать с предпролетарскими революционерами по существу их программы и их действий. Ибо какая может быть полемика с заговорщиками и интриганами?! Он довольствовался тем, что сообщал своим читателям ворох клеветнических измышлений, которые должны были показать и доказать темные мотивы деятельности Ру, Леклерка и Варле.

Марат смешивал Жака Ру и его единомышленников с грязью. Его упомянутое выше письмо сыграло, бесспорно, значительную роль в исключении Ру и Леклерка из клуба кордельеров. Но странное дело. Не ответив персонально никому из своих многочисленных обвинителей и клеветников в Конвенте, якобинском клубе, клубе кордельеров, Коммуне и т. д., Жак Ру счел своим долгом обстоятельно ответить Марату, а перед опубликованием этого ответа стремился объясниться с ним в личной беседе. После убийства Марата Ру и Леклерк выступили в качестве единственных продолжателей его газеты, посвящая памяти «Друга народа» страницы, проникнутые искренним горем и огромным уважением. Чем и как можно объяснить это противоречие?

Влияние Марата на предпролетарских революционеров было очень и очень велико. Ру и Леклерк не зря так часто ссылались на него, не зря считали его своим учителем. Они учились у Марата, они заимствовали у него **методы революционной борьбы.** Страстная непримиримость Марата ко всем врагам революции и народа, его революционная бдительность,

[1] Основой для этой статьи послужило, повидимому, письмо Марата клубу кордельеров, зачитанное в начале заседания 30-го июня.

его непревзойденное уменье срывать с них все и всяческие маски, его программа революционного классового террора, как единственного надежного средства разгромить силы контрреволюции — вот что заставляло «бешеных» преклоняться перед «Другом народа», учиться у него, дорожить его мнением. Но заимствовав у Марата методы революционной борьбы предпролетарские революционеры наполнили их **иным классовым содержанием.**

Социально-экономические программы предпролетарских революционеров и всех группировок якобинцев, включая сюда левых якобинцев, включая сюда Марата были в конечном итоге противоположны, выражали интересы антагонистических классовых группировок. В этом крылась основная причина ожесточенной борьбы, которую вели против «бешеных» якобинцы, именно это было главным противоречием, которое всегда разделяло их.

Внешне и субъективно, если сравнивать слова, декларации, трудно, очень трудно провести четкую разграничительную линию даже между Робеспьером и предпролетарскими революционерами, не говоря уже о левых якобинцах. Жак Ру, Леклерк и Варле восставали против имущественного неравенства, проповедывали уравнительные идеи, но ведь и Робеспьер не признавал частную собственность естественным правом, считал возможным и необходимым ее ограничение (причем даже в законодательном порядке), мечтал о ликвидации крайнего неравенства состояний. Тех же взглядов придерживались и Сен-Жюст, Билло-Варенн, Марат, Шомет, Эбер и многие другие якобинцы. «Бешеные» требовали смертной казни для спекулянтов и скупщиков—Марат предлагал вешать их у дверей лавок и т. д. и т. п.

Но, «чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они **делают,** как они поступают при решении различных политических вопросов, как они **ведут себя,** в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее»[1]. Объективно социально-экономические программы якобинцев, включая Робеспьера, Сен-Жюста и Билло-Варенна, включая Марата, Шомета и Эбера, всегда оставались программами различных слоев революционной буржуазии и мелкой буржуазии, при всей

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 29.

субъективной преданности тех или иных якобинских лидеров делу всего народа и даже преимущественно делу трудящихся и угнетенных.

«...Мы, как и вы, — заявлял Эбер беднякам, — хотели бы понижения цены товаров. Мы знаем, что нужда велика. Но в одну минуту нельзя излечить столько болезней, в особенности в такой момент, когда золото тиранов все дезорганизует. Счастье может придти только посредством хороших законов; подождите установления новой конституции. Не скрывайте плодов пока они не созрели. Не верьте интриганам...»[1]. Эберу вторил Колло д'Эрбуа... «Это потому, что корабль (республики) входит в гавань, хотят привлечь внимание народа к нескольким пиратам, именуемым скупщиками, которых мы раздавим целиком, **когда настанет время**»[2].

По мнению Эбера и Колло д'Эрбуа путь к счастью народа лежит через хорошие законы, через установление конституции, через окончательную победу над силами контрреволюции. Тогда и только тогда получат по заслугам скупщики[3], понизятся цены, будет облегчена и устранена нужда. В настоящий же момент все эти требования политически несвоевременны, противоречат высшим интересам самих бедняков. А потому не верьте «интриганам», т. е. «бешеным», которые подбивают вас выдвигать эти требования.

Субъективно и Эбер, и Колло д'Эрбуа отстаивали интересы санкюлотов, интересы бедноты. Объективно приносили (в силу мелкобуржуазной ограниченности своего мышления) интересы плебейских масс, особенно их предпролетарского ядра, в жертву интересам революционной буржуазии.

Как Эбер и Колло д'Эрбуа, Марат был типичным мелкобуржуазным революционером. Социально-экономическая программа плебейских, предпролетарских революционеров, каковыми являлись Ру, Леклерк и Варле, требовавшая немедленного и существенного ограничения права буржуазной частной собственности в интересах плебейских масс, была для него непонятна и неприемлема. А поэтому он видел в агитации предпролетарских революционеров лишь политическую интригу, наносящую «смертельный удар республике», а в них самих —

[1] Бюше и Ру, цит. соч., т. XXVIII, стр. 226.

[2] Олар, цит. соч., т. V, стр. 282.

[3] Которые, кстати, представляются и Эберу и Коло д'Эрбуа единичным явлением. У Эбера скупщики в Париже отсутствуют вообще, для Колло д'Эрбуа это «несколько пиратов».

заговорщиков и интриганов, за спиной которых орудовали контрреволюционеры.

Якобинцы выступили в конце июня — начале июля против Ру, Леклерка и Варле **в конечном итоге,** объективно совсем не потому, что агитация предпролетарских революционеров якобы подрывала необходимое для спасения революции и республики единство сил революционного лагеря, не из соображений высшего политического порядка, якобы недоступных «близоруким» в политике плебейским революционерам. Они выступили против «бешеных» потому, что, во-первых, социально-экономическая программа Ру, Леклерка и их единомышленников, выражавшая интересы плебейских масс и, прежде всего, их предпролетарского ядра, была чужда и неприемлема для революционной буржуазии, представителями которой были якобинцы[1], а, во-вторых, потому что в июне 1793 г. «бешеные» оказались в состоянии не только говорить в защиту своих взглядов, но и требовать их реализации, оказывать действенное влияние на политику, опираясь на поддержку ряда секций и клуба кордельеров.

Якобинцам удалось нанести удар по престижу Жака Ру, Леклерка и Варле, скомпрометировать их в какой-то мере исключением из клуба кордельеров и тем самым затруднить их деятельность как руководителей и вдохновителей борьбы плебейских низов за свои социально-экономические требования. И это был серьезный удар, если учесть чрезвычайную организационную и идеологическую слабость революционного движения плебейских масс.

Но поражение предпролетарских революционеров было сугубо временным и преходящим. Экономическое положение парижского плебейства, заставлявшее его идти за «бешеными», поддерживать их социально-экономическую программу, изменялось с каждым днем лишь в худшую сторону. Торжествуя победу над Ру, Леклерком и Варле, якобинцы не только не сделали никаких уступок главному требованию плебейских масс о введении всеобщего максимума, но даже нанесли 1 июля[2] сильнейший удар по закону 4 мая о максимуме на зерно, и без того почти не применявшемуся. Требование все-

---

[1] См. статью: Сытин С. Л. «Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле—сентябре 1793 г». «Ученые записки Ульяновского пединститута», выпуск VIII, 1956 год.

[2] Закон 1 июля разрешал покупки на дому, что делало всякий контроль за исполнением закона 4 мая невозможным.

общего максимума, как и большинство остальных требований плебейских масс, поддерживают и отстаивают, по-прежнему, одни предпролетарские революционеры. Немудрено поэтому, что их влияние в секциях, среди парижского плебса, остается почти непоколебленным и очень скоро начинает даже увеличиваться.

Все это выявилось уже в первых числах июля, в момент утверждения новой конституции парижскими секциями. Заявляя в Конвенте об утверждении конституции многие, преимущественно расположенные в предместьях ремесленно-рабочие секции выражали пожелания и, предъявляли требования в духе социально-экономической программы предпролетарских революционеров.

Еще в конце июня «33 секции согласились через своих делегатов выработать проект нормировки и домашних обысков. 30 июня комиссары этих 33 секций собрались в епископстве вместе с парижскими властями. Выслушав начальника продовольственной администрации города, Гарена, собрание приняло соответствующие резолюции, которые оно сообщило министру внутренних дел Гара и Комитету общественного спасения»[1].

3 и 4 июля, сообщая Конвенту об утверждении ими конституции, секции Бонди, Ломбар и Борепер[2] потребовали от него скорейшего декретирования всеобщего максимума. «...Вам остается, граждане представители, чтобы выполнить до конца вашу тяжелую задачу, издать суровый закон против скупщиков и таксировать предметы первой необходимости». Так говорилось в петиции одной гражданки секции Бонди, прочитанной сразу же после оглашения официальной петиции секции об утверждении конституции[3]. «Мы просим у вас, законодатели, быстрого отчета ваших комитетов торговли и земледелия, которым вы поручили представить вам таксу на все, что полезно

[1] Матьез, цит. соч., стр. 175.

[2] Ремесленно-рабочая секция Бонди примыкала с севера к секции Гравилье (секция Жака Ру). В секции Ломбар, которую Добролюбский относит к секциям со значительным буржуазным населением (Добролюбский К. П., Термидор. Одесса, 1949), были сильны демократические элементы и пользовался большим влиянием Леклерк (квартира Леклерка находилась в секции Французского театра, но жил он фактически все лето 1793 г. в секции Хлебного рынка у Клары Лакомб, а выступал главным образом в соседней секции Ломбар. Это объясняется, повидимому, тем, что в секции Французского театра, этом оплоте левых якобинцев, Леклерк имел слишком влиятельных и сильных противников). Секция Борепер относится Добролюбским к мелкобуржуазным секциям.

[3] Парламентские архивы, I серия, т. 68, стр. 140.

республиканцу, который отлично обходится без излишеств...» — заявляла секция Ломбар[1]. В том же духе высказывалась и секция Борепер[2].

Заявляя 4 июля об утверждении конституции, секция Бон-Нувель сочла необходимым задним числом дезавуировать петицию Жака Ру. Однако сделала она это весьма двусмысленным образом. Секция дезавуировала все то, «что могло бы оскорбить слух» законодателей в петиции Ру, но тут же оговаривалась, что ведь Конвент» не считал ее (петицию) лишенной достоинств, так как отправил ее... на рассмотрение своего комитета торговли и земледелия». Социально-экономические требования петиции Жака Ру сохраняли таким образом для секции Бон-Нувель свою силу[3].

Три ремесленно-рабочие секции Сент-Антуанского предместья выдвинули целую социально-экономическую программу. «Примите во внимание, — заявляли они, — что бедняк помогал вам до сих пор поддерживать революцию, создавать конституцию, что настало время, когда он должен собирать ее плоды[4]. Итак, поставьте на повестку дня столь долгожданное устройство мастерских, где трудолюбивый человек найдет везде и во всякое время работу, в которой он нуждается...». Секции Сент-Антуанского предместья выдвигали, таким образом, требование, которое более года назад сформулировал почти в тех

[1] Парламентские архивы, I серия, т. 68, стр. 256. Характерно, что в петиции секции Ломбар требование всеобщего максимума было сформулировано так же, как его потребовал 23 июля во втором номере своего «Друга Народа» Леклерк. «Что же должны делать законодатели в таких деликатных обстоятельствах? — писал он. — Установить таксу на все предметы первой необходимости по ценам, которые были бы доступны всем... Как только этот спасительный закон будет издан, какое нам дело до вздорожания предметов роскоши...».

[2] Парламентские архивы, I серия, т. 68, стр. 254.

[3] Там же, стр. 258—259.

[4] «...Подождите **установления** (подчеркнуто мною) новой конституции Не срывайте плодов, пока они не созрели» — заявляли в конце июня бедноте Эбер, Колло д'Эрбуа и другие лидеры якобинцев. Два класса — две программы.

же самых выражениях Жак Ру в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы»[1].

Далее петиция рабочих секций требовала устройства «госпиталей, где старик, больной и немощный получат братскую помощь, которой ему обязана гуманность; наконец, мест, где паразитическое существо, лентяй, будет воспитываться в привычке к труду и научится краснеть от жизни плодами чужого труда». Если требование об устройстве мастерских повторяло слова Ру, то это последнее требование предвосхищало идеи бабувистов[2].

Наконец, петиция требовала от Конвента скорейшего издания закона о воспитании, которое должно было бы дать «земледельцу, этому отцу-кормильцу Республики, возможность воспользоваться всеми открытиями, которые могут упростить его работу и увеличить ее плоды», ремесленнику, этой душе торговли — средства усовершенствовать свое искусство, рабочему — свой талант[3]. С аналогичными требованиями выступила ремесленно-рабочая секция Монмартр. «...Для нашего счастья, — говорилось в ее петиции, — нам не хватает только быстрой организации общественного воспитания, но не какого-нибудь метафизического воспитания, которое расслабляло бы нравы и доблесть республиканцев, а образования, способного усовер-

---

[1] «...Организуйте общественные учреждения (les établissemens publics), воздвигайте их на развалинах домов, которые являются притонами воров и убийц..., устраивайте мастерские, где таланты и неимущая добродетель найдут поощрение, которого они заслуживают. Это будет уплатой священного долга по отношению к человечеству — пойти отыскать бедняка в хижине и дать ему подняться в наивысшую область наук и ремесл (les arts)“ Disçours sur les moyens de sauver la France et la liberté; prononcé dans l'Eglise Métropolitaine de Paris, dans celles de St—Eustache., de Ste Marguerite, de Saint—Antoine et de Saint—Nicolas des Champs Par M. Jacques Roux, mombre de la Société des Droits de l'Homme et du Citoyen. A Paris, chez l'auteur. Фотокопия. Коллекция Института марксизма—ленинизма.

[2] См. «Набросок проекта об управлении» и «Набросок проекта экономического декрета» в кн.: Буонаротти, Заговор во имя равенства, т. II, стр. 303—321. М., 1948.

[3] Парламентские архивы, I серия, т. 68, стр. 256.

шенствовать земледелие, искусства и ремесла, дать быстрое развитие национальной индустрии, активность нашим фабрикам, нашей торговле...»[1].

Требования секций в вопросе об организации общественного воспитания и образования непосредственно перекликались опять-таки с «Речью о средствах спасения Франции и свободы» Жака Ру. В августе 1793 г. в защиту этих требований выступит Леклерк во главе значительной группы секций.

Две секции — Монмартра и Борепер выражали сожаление относительно лишения новой конституцией политических прав женщин[2].

Выдвигались секциями и требования политического порядка. «Наслаждайтесь своей работой, но не считайте вашего дела законченным... — заявляла Конвенту ремесленно-рабочая секция Обсерватории. — ...Организуйте Исполнительный Совет, очистите наши армии от честолюбивой и коварной касты[3]; рассейте фанатизм...»[4]. Мелкобуржуазная секция Республики выражала пожелание, чтобы члены Исполнительного Совета назначались Законодательным собранием не голосованием, а посредством жеребьевки[5].

Итак, несмотря на преследования, которым подвергались со стороны якобинцев Жак Ру, Леклерк и Варле, их социально-экономическая программа оставалась знаменем революционного движения парижского плебейства. Не собирались складывать оружия и сами предпролетарские революционеры. Об этом ярко свидетельствовала написанная Жаком Ру в по-

---

[1] Парламентские архивы, I серия, т. 68, стр. 255.
[2] Там же, стр. 254—255.
[3] Дворяне.
[4] Парламентские архивы, I серия, т. 68, стр. 258.
[5] Там же, стр. 254.

следних числах июня «Речь о причинах несчастий Французской республики»[1].

В этой непроизнесенной и ненапечатанной речи Ру не только не отказался от выдвинутых им в петиции Конвенту социально-экономических требований, но еще больше углубил и заострил их. Он призывал к объявлению беспощадной войны богачам вообще, «новым» богачам в особенности, он требовал их ареста и конфискации награбленных ими у народа богатств. Он требовал этого во имя трудящегося класса общества, во имя рабочих, ремесленников и крестьян.

Объявляя войну богачам и требуя организации революционного террора, Жак Ру и другие предпролетарские револю-

---

[1] «Речь о причинах несчастий Французской республики» Жака Ру является, бесспорно, одним из его наиболее значительных произведений. Речь эта не была, по-видимому, произнесена или опубликована. Рукопись ее была отобрана у Ру при аресте и сохранилась среди других его бумаг в Национальном архиве в Париже. Значительная часть «Речи о причинах несчастий Французской республики» была, однако, воспроизведена Жаком Ру в 249 и других номерах его газеты «Публицист Французской республики», начавшей выходить в середине июля 1793 г.

Из историков этот важнейший источник был использован лишь Жоресом и Захером. Первый привел из «Речи о причинах несчастий Французской республики» несколько небольших отрывков в своей «Социалистической истории Французской революции». Второй, не в пример французам Жоресу и особенно Матьезу, даже не упоминающему о существовании этого источника, широко его использовал, изложив почти на четырех страницах содержание «Речи...» (цит. соч., стр. 59—63) и приведя многочисленные отрывки из нее в других частях своей работы.

Важнейшим вопросом, связанным с использованием «Речи» как исторического источника, является вопрос о ее датировке. У двух использовавших ее в своих работах авторов нет на этот счет единого мнения. Жорес считает, основываясь на объявлении о предстоящем выходе «Речи...» в свет, сделанном Жаком Ру в конце брошюры, содержавшей текст его петиции Конвенту от 25 июня, что «Речь...» была написана после петиции Конвенту. Что же касается Захера, то он считает временем ее написания период от середины до конца июня, но в то же время анализирует ее раньше петиции Ру Конвенту в качестве документа, по которому можно и должно судить о взглядах этого выдающегося предпролетарского революционера непосредственно после народного восстания 31 мая—2 июня. Таким образом, фактически он относит написание «Речи...» к середине июня и уж во всяком случае считает ее написанной раньше петиции Конвенту. Никаких доводов в пользу подобной датировки Захер не приводит.

Между тем, «Речь о причинах несчастий Французской республики» была написана, безусловно, в конце июня, сразу же после представления Жаком Ру петиции Конвенту. Основным аргументом в пользу такой датировки является само содержание «Речи...», развивающей ряд положений, которые были лишь намечены в петиции Конвенту (например, вопрос о жирондистах, как виновниках войны), а, главное, содержащей прямые ответы на ряд обвинений, выдвинутых против Ру в связи с этой петицией.

ционеры исходили из весьма передовых для своего времени взглядов на современное им общество и его строение.

Угнетатели и угнетенные, патриции и плебеи — таковы два основных класса, на которые разделяется, по мнению Ру, окружающее его общество и всякое общество вообще. К угнетателям, патрициям Ру относил прежде всего богачей. Но не только богачей, под которыми он, как будет показано дальше, понимал буржуазию. К патрициям — «всегда угнетателям» — Ру относил «аристократию знати и сана», дворянство и духовенство, а также военных и судейских.

Под богачами, под «аристократией богатства» Жак Ру подразумевал спекулянтов, скупщиков, ростовщиков, монополистов, арматоров, негоциантов, банкиров, менял и т. д., то есть класс, который мы называем буржуазией. Из приведенного перечисления нетрудно заметить, что в центре внимания у Ру находилась преимущественно торговая и денежная буржуазия, что явствует и из употребления им, в качестве синонима к выражению «аристократия богатства», выражения «торговая аристократия». Однако Ру не выпускал из поля своего зрения и предпринимателей, о чем свидетельствуют его неоднократные выступления против снижения заработной платы рабочих и за ее повышение.

Какой же класс противостоит патрициям, угнетателям, богачам, от чьего имени выступает Жак Ру? Это «всегда угнетенный» плебей, народ, бедняки, граждане, трудящиеся и неимущий класс. Это «почтенный ремесленник», рабочие и люди, «не имеющие иного состояния, кроме 2—3—4—5—6 — сот ливров плохо выплачиваемой ренты, пожизненная ли это пенсия или сбережения частных лиц»[1].

Характеристика класса, противостоящего буржуазии является таким образом у Ру весьма неопределенной и расплывчатой. И не случайно. Если французская буржуазия к началу революции в основном уже консолидировалась, как класс, то о французском пролетариате этого сказать еще никак нельзя. В годы революции буржуазии противостоял и против буржуазии выступал не пролетариат, как класс, а плебейские массы, амальгама из рабочих, ремесленной бедноты и пролетаризирующихся слоев мелкой буржуазии. От имени этих плебейских масс и, в первую очередь, состоявшего из рабочих и ремеслен-

[1] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 555.

ной бедноты предпролетарского ядра этих масс и выступал Жак Ру[1].

Важно отметить при этом, что если весной 1792 г. в «Речи о средствах спасения Франции и свободы» Ру говорит конкретно только о «почтенном ремесленнике», то летом 1793 г., конкретизируя понятия народ, неимущие, трудящийся класс общества, он чаще всего говорит о рабочих.

Леклерк еще меньше, чем Ру, конкретизировал, от имени каких групп бедноты он выступает. В своей газете он говорил от имени народа, санкюлотов, бедноты вообще. «Разрушая режим угнетения, чтобы основать на его развалинах республиканское и демократическое правление, где нашли добродетели, которые являются его опорами и базой? В том прилежном и бедном классе, который, близкий по своим потребностям к природному состоянию, не имел, правда, того большого просвещения, которым гордится тщеславный человек, но обладал тем здравым суждением, благодаря которому человек различает

---

[1] В «Речи о средствах спасения Франции и свободы» Ру заявлял, «... что не напрасно взывают к могуществу народа: когда оскорбляют его верховное величие, дыхания его гнева достаточно, чтобы опрокинуть престолы и уничтожить королей. Таким образом этот почтенный ремесленник, которого вы презирали, которого вы топтали ногами, вернул себе свои права; он ваш хозяин и ваш судья; и если под влиянием предрассудков он надевал диадему (на знатных, богатых); если он вставал на колени перед галуном, который был делом его рук... он признает сегодня свою роковую ошибку» («Речь о средствах спасения Франции и свободы..., стр. 31—32).

В своей петиции Конвенту и «Речи о причинах несчастий Французской республики» Ру выступал от имени рабочих, ремесленной бедноты, пролетаризирующейся мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. От имени тех же классовых групп Жак Ру выступал и в «Публицисте Французской республики». В 247 номере он призывал «не позволить голодать санкюлотам из департаментов, которые прославляют этот город (Париж) своими руками и своим мастерством», подразумевая, повидимому, под этими санкюлотами из департаментов многочисленную категорию сезонных строительных рабочих («Публицист...», № 247, стр. 5). Несколько дней спустя Ру писал, что революция должна была «доставить лучшую участь несчастному рабочему и угнетенному феодальным деспотизмом классу», т. е. крестьянской бедноте (там же, № 249, стр. 2). В том же самом номере он гневно протестует против того, что спекулянты и скупщики «вырывают» у рабочего его хлеб (стр. 6) и заявляет, что для народа не сделано ничего, «когда он не может существовать на плоды своей работы» (стр. 4). Эта формулировка примечательна тем, что охватывает как рабочих, так и ремесленную бедноту. В ряде номеров «Публициста» Ру выдвигал такое специфическое для рабочих требование, как борьба с безработицей посредством организации многочисленных мастерских для производства оружия и открытия всех остановившихся промышленных предприятий.

учреждения, которые могут быть ему полезны, и всегда бывает зрелым для того, чтобы отвоевать свои права»[1].

Лишь во втором номере газеты Леклерка встречается формулировка, позволяющая утверждать, что он сознательно защищал интересы не только плебейства вообще, но и рабочих в частности. «Какое дело тому, у кого каждый день настойчиво звучит крик нужды, — писал он, — что ассигнации имеются в большом количестве, **если цена его пота не увеличивается** пропорционально дороговизне припасов (подчеркнуто мною. — С. С.)».

Отношения между угнетателями и угнетенными характеризовались Ру, как отношения непримиримой и никогда не прекращающейся борьбы. Мы никогда не допустим, — писал он в «Речи о средствах спасения Франции и свободы»,— никакого примирения между предрассудками и вечной философией, между патрицием, всегда угнетателем, и плебеем, всегда угнетенным»[2]. Основой этой борьбы является стремление богатых, буржуазии к наживе за счет народа, за счет трудящихся[3] и обратное стремление бедноты к установлению «фактического равенства».

Классовые интересы всегда стоят для буржуазии на первом плане, впереди национальных. «Богатые с радостью приветствовали бы приход австрийцев и если бы и взялись за оружие, то лишь для защиты личности и имущества угнетателей»[4]. «Богатые нас всегда предавали и всегда будут предавать: на войне они поведут наши полки на бойню; в столице — они будут продавать права народа; в святилище законов они принесут в жертву невинность. Нет одним словом тех преступлений, на которые не толкала бы богатых пожирающая их жажда золота»[5]. В противоположность Леклерку Жак Ру требовал

[1] «Друг Народа...», № 1, стр. 7.

[2] Жак Ру. Речь о средствах спасения Франции и свободы, стр. 33. «Эта война между плебеями и патрициями, между бедными и богатыми, — писал в «Трибуне народа» Бабеф, — начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена; она идет вечно, она начинается с появлением институтов, стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других» («Трибун народа», № 34, цит. по кн.: Буонаротти, Заговор во имя равенства, т. I, стр. 17, 1948). Высказывание Ру является как бы первоначальным наброском этой формулировки Бабефа.

[3] Ру, «Речь о причинах несчастий Французской республики» стр. 20. Цит. по кн.: Захер, указ. соч., стр. 63, 230, 238.

[4] Там же. Цит. по кн.: Захер, указ. соч., стр. 63.

[5] Там же. Цит. по кн.: Захер, указ. соч., стр. 230.

не отправки богачей на фронт, а недопущения определенных категорий буржуазии в армию, наряду с дворянами.

Возникновением своих огромных состояний угнетатели богатые обязаны прежде всего находящейся в их руках власти[1]. Законодательство является, по мнению Ру, классовым. «Законы ведь жестоки по отношению к бедняку, они ведь созданы богатыми и только ради богатых»[2].

И Жак Ру, и Леклерк очень резко и четко ставили вопрос о том, что плоды совершаемой руками народа революции достаются «буржуазной и промышленной аристократии», «аристократии богатства», т. е. буржуазии, которая занимает место свергнутых революцией угнетателей — дворянства и духовенства, «аристократии знати и сана»[3]. При этом предпролетарские революционеры постоянно указывали на появление в ходе революции могущественной «новой» буржуазии и подчеркивали, что именно эта спекулянтская «новая» буржуазия является наиболее хищным и жестоким угнетателем бедноты. «Перед взятием Бастилии, — обращался Жак Ру к спекулянтам, вы были одеты в лохмотья, сегодня вы живете в дворцах: вы обладали только плугом — и вы являетесь богатыми собственниками; вы занимались только мелочной торговлей да еще в разнос — и вы владеете огромными магазинами; вы были только мелкими служащими в конторах — и вы снаряжаете военные корабли; ваши семьи протягивали руку первому встречному — теперь они выставляют напоказ бесстыдную роскошь и им поручено снабжение продовольствием войск на суше и на море. И конечно, я больше не удивлен, что имеется так много лиц, которые любят революцию. Она снабдила их драгоценным предлогом, чтобы нагромождать **патриотически**[4] и в короткий срок сокровища на сокровища...»[5].

От Жака Ру не укрылось и усиление эксплуатации городской бедноты, предпролетариата, после прихода буржуазии к власти. «Поразительным феноменом революции, — писал он, — которому с большим трудом поверит потомство, является остервенение, с которым враги свободы принялись утомлять, разорять, морить голодом и приводить в отчаяние народ. Никогда не видели столько вампиров и пиявок, даже в то вре-

---

[1] Ру. «Речь о причинах несчастий Французской республики», стр. 20. Цит. по кн.: Захер, указ. соч., стр. 238.

[2] Жак Ру, Петиция, представленная Конвенту... «Анналы революции», 1914, стр. 552.

[3] «Друг Народа...», № 11, стр. 3—4. «Публицист...», № 249, стр. 2.

[4] Разрядка Жака Ру.

[5] «Публицист...», № 249, стр. 7—8.

мя, когда воровство было узаконено государством под видом торговли; ажиотаж достиг точки, когда бедняк не может существовать на почве, орошенной его слезами; можно даже сказать, что богатый получил над ним право жизни и смерти»[1].

Таковы в кратких чертах взгляды Ру и Леклерка на строение окружавшего их общества. Они являются одной из самых примечательных и передовых сторон их мировоззрения. Эти взгляды заставляют их видеть в революционном классовом терроре необходимое условие победы над врагами санкюлотов. Борьба же за революционный террор в свою очередь в огромной степени способствовала развитию и углублению взглядов предпролетарских революционеров на классы и классовую борьбу.

Но вернемся к «Речи о причинах несчастий Французской республики». Оставляя в силе социально-экономические требования своей петиции и даже расширяя их, Жак Ру вместе с тем больше не настаивал на дополнении конституции ограничивающими свободу торговли и вообще право частной собственности статьями. Отказался он и от прямой резкой критики Горы. В «Речи о причинах несчастий Французской республики» вождь «бешеных» решительно опровергал попытки своих врагов изобразить его противником Конвента и врагом Горы.

Ру настойчиво подчеркивал свое безусловное уважение к Конвенту, как к верховному законодательному органу. «Не думайте граждане, — писал он, — что я хочу унизить народное представительство и установленные власти. Я знаю, что временные и свободно избранные представители являются оплотом свободы. Я знаю, что исходящие из их мудрости законы являются живым доказательством народного суверенитета и не кто иной, как я, произнес не одну похвалу народным представителям, проникнутым сознанием святости их долга...»[2].

Подчеркивал Жак Ру и свою полную лойяльность по отношению к Горе Конвента и готовность оказывать ей всяческую поддержку в разрешении общенациональных задач революции. «Да послужит же Национальный конвент, — восклицал он, — объединяющим нас всех лозунгом! Святая Гора раздавила под своей тяжестью чудовище, стремившееся навязать нам короля и заковать нас в железо. Поддержим же посредством нашей храбрости ее доблестные усилия, защитим нашими телами святилище закона и поднимемся, чтобы уничтожить тех, кто

---

[1] «Публицист...», № 249, стр. 1—2.

[2] Ру, «Речь о причинах несчастий Французской республики», стр. 5. Цит., по кн.: Захер, указ. соч., стр. 60.

хочет федерализировать республику, кует цепи для человеческого рода и препятствует триумфальному маршу свободы»[1].

Социально-экономическая и политическая программа, сформулированная в «Речи о причинах несчастий Французской республики», легла в основу агитации «Публициста Французской республики» Жака Ру в июле и августе 1793 г.

Неудовлетворенность плебейских масс Парижа результатами революции 31 мая—2 июня, в ходе которой не было реализовано ни одно из их важных социально-экономических требований, а также не прекращавшееся ухудшение экономического, особенно продовольственного положения столицы привели к обострению борьбы парижского плебейства за «фактическое», имущественное равенство, за улучшение своего материального положения уже на следующий день после падения жирондистов.

Плебейские массы Парижа во главе с Жаком Ру, Леклерком, Варле и другими предпролетарскими революционерами все решительнее и настойчивее требуют от якобинцев беспощадной борьбы с ажиотажем и скупкой, строгого исполнения закона 4 мая о максимуме цен на зерно и распространения этого закона на все предметы первой необходимости, а также постановки в порядок для революционного террора, «плебейских» способов расправы с врагами революции и республики.

Кульминационным пунктом революционного движения парижского плебейства в июне 1793 г. была петиция Жака Ру Конвенту, поддержанная клубом кордельеров и ремесленно-рабочими секциями Гравилье и Бон-Нувель, и требовавшая включения в новую конституцию статей, которые осуждали бы и запрещали ажиотаж и скупку и ограничивали бы свободу торговли, а следовательно, и право частной собственности, в интересах плебейских масс.

Одержанная руками народа победа над жирондистами и революционное разрешение якобинцами сразу же после прихода к власти аграрного вопроса, обеспечившее им поддержку крестьянства, — все это одновременно укрепляло положение революционной буржуазии и уменьшало ее зависимость от поддержки плебейских масс. В июне 1793 г. якобинцы не только не проявляли готовности к новым уступкам социально-экономическим требованиям парижского плебейства, но настойчиво уклоняются и от реализации тех уступок, которые уже были сделаны ими в апреле—мае 1793 г. Выступление якобинцев

---

[1] Ру, «Речь о причинах несчастий Французской республики», стр. 5. Цит. по кн.: Захер, указ. соч., стр. 60.

против Ру, Леклерка и Варле в конце июня, непосредственной причиной которой явилась петиция Жака Ру и поддержка ее кордельерами, было вызвано прежде всего противоположностью классовых интересов различных слоев буржуазии с одной стороны и предпролетариата, как основного ядра плебейских масс, с другой.

Было бы, однако, грубо ошибочным видеть в этой борьбе в июне 1793 г. хотя бы даже начало разрыва союза якобинцев с народом или же «эмбрион пролетарской революции», как об этом пишет с троцкистских позиций французский историк Герен. В действительности эта борьба лишь укрепляла революционно-демократическую якобинскую диктатуру именно как «диктатуру низов». По важнейшим политическим вопросам, связанным с борьбой с внутренней и внешней феодальной контрреволюцией, плебейские массы полностью поддерживали якобинцев[1]. В свою очередь якобинцы понимали невозможность победы над контрреволюцией без поддержки народа, в том числе и городской бедноты. В этих условиях разногласия и острая борьба по социально-экономическим вопросам приводили в конечном счете не к разрыву между якобинцами и народом, а к новым (хотя и вынужденным) уступкам революционной буржуазии народным массам, предотвращавшим такой разрыв.

Трещины в этом союзе появляются значительно позже, весной 1794 г. В числе предпосылок появления этих трещин были разгром якобинцами «бешеных» и ограничение политического влияния парижских секций осенью 1793 г. и, наконец, разгром эбертистов весной 1794 г. Все это лишило парижское плебейство возможности оказывать на политику якобинцев и дальше то действенное влияние, которое вынуждало буржуазных революционеров идти на уступки городской бедноте. Освободившись от этого влияния якобинцы стали значительно меньше считаться с требованиями городской бедноты, что привело к значительному сужению классовой базы якобинской диктатуры и явилось одной из важнейших причин контрреволюционного переворота 9 термидора.

[1] См. работу Сытин С. Л. Политическая программа и тактика «бешеных» (Жака Ру и Леклерка) летом 1793 г. В кн.· Межвузовскконференция по истории якобинской диктатуры 20—22 июня 1958 г. Тезисы докладов. Одесса, 1958.

Н. Г. ЛЕВИНТОВ.

О ЗЕРНОВОЙ ТОРГОВЛЕ БОЛГАРИИ В 1840—70-х ГОДАХ

История экономического развития Болгарии в середине XIX века, в период вызревания национально-освободительной антифеодальной революции еще мало изучена, хотя в последнее время болгарскими и советскими историками многое делается в этом направлении.

При общеизвестной скудости источников по экономической истории этой эпохи, отсутствии всякой официальной торговой, аграрной, промышленной статистики важное значение приобретают пущенные ныне в научный оборот донесения бельгийских, австрийских, французских консулов[1]. Не менее богатые сведения содержатся и в донесениях русских консулов, хранящихся в архиве Внешней политики России (АВПР). Как нам представляется, на нынешней стадии состояния источников уже можно и нужно переходить к более или менее детальному изучению отдельных частных вопросов экономики, подготавливая таким образом создание в дальнейшем исследований, всесторонне охватывающих экономическую историю Болгарии указанного периода.

В настоящей статье делается попытка проследить в той мере, насколько позволяют источники, развитие внешней зерновой торговли в 1840—70-х годах. Вопрос этот, несмотря на его важность, еще не был ни разу предметом специального исследования. Очень бегло и путанно о нем говорит Ю. Юрда-

---

[1] N. Michoff. Contribution a l'histoire du commerce bulgare. I. Rapports consulaires belges. Sofie, 1941. (в дальн. Michoff, contribution).
II. Österreichische Konsularberichte (в дальн. Michoff, Beiträge II).
III. Rapports consulaires francais. Documents officiels et autres documents Svichtov, 1950. (в дальн. Michoff, contribution III).

нов в своем поверхностном очерке истории торговли[1]. В целом правильно, но поневоле в нескольких строках, касаются зерновой торговли Д. Косев в курсе своих лекций по истории Болгарии и Жак Натан в труде по экономической истории Болгарии[2].

* * *

Уже вскоре после установления турецкого господства в Болгарии зерновая торговля оказалась в рамках особого режима. Для обеспечения продовольствием столицы и армии турецкие власти ввели государственную монополию на торговлю зерном, мукой, мучными произведениями. Из фирманов Сулеймана I (1520—1560) выясняется картина детальной регламентации не только торговли, но и производства хлебов[3]. Однако полного уничтожения вывозной зерновой торговли туркам не удалось достигнуть, хотя они нередко с этой целью прибегали к весьма суровым мерам борьбы с нарушителями хлебной монополии.

Само турецкое правительство было вынуждено время от времени давать разрешение на вывоз ограниченных количеств зерновых в строго определенные сроки. Такие разрешения давались обычно дружественным странам в годы неурожаев или в чрезвычайных условиях — война и т. п.[4].

Христо Гандев, в небольшой, но содержательной работе, посвященной внешней торговле Болгарии в XVIII и в начале XIX в в, определил, на основе всех имевшихся в его распоряжении разнообразных данных, максимальный годовой вывоз зерновых в XVIII веке в 15 т. тонн[5].

Вместе с тем, конечно, не прекращались попытки и обойти государственную монополию, что вылилось в распространение контрабандной торговли зерном, усилившейся в начале XIX века. Об этом свидетельствуют неоднократные приказания

---

[1] Ю. Юрданов. История българската търговия до Освобождението. Соф. 1936.

[2] Д. Косев. Лекции по нова българска история. София, 1951.
Ж. Натан. Икономическа история на България. София, 1938.

[3] Hammer Geschichte des osmanischen Reiches. Wien. 1815, ss 154—162.

[4] См. P. Masson. Histoire du commerce francais dans le Zevant au XVIII Siecle. Paris, 1911, p. 162.

[5] Х. Гандев. Търговската обмена на Европа с българските земи през XVIII и началото на XIX век. София, 1944, стр. 18.

из Константинополя местным властям об усилении борьбы с нарушителями монополии[1].

Но в целом, естественно, при этих условиях зерновая торговля была незначительной и далеко не играла той роли в экспорте из Болгарии, какую играли кожи, хлопок, шерсть и изделия из них.

Государственная монополия на продажу зерновых тяжело отражалась на производителях хлебов — на крестьянах. Для всех районов Болгарии составлялась разверстка на количество зерновых, собираемых в принудительном порядке с каждого из них.

В отдельные годы и для отдельных областей обязательные поставки достигали весьма значительных размеров.

Эти обязательные покупки производились по крайне низким ценам и сопровождались многочисленными злоупотреблениями со стороны чиновников, коим поручалась эта операция.

В начале 1830-х годов правительственная цена за киле пшеницы в районе Добруджи составляла 2,5—3 гроша и 3—4 гроша за лучший сорт (арнаутку), в то время как рыночная цена составляла 6—7 гр. за киле.

Из отдельных документов явствует, что, в случае невыполнения, разнарядка числилась как недоимка за крестьянами. Так, в 1829 г., например, софийские власти получили разрешение из канцелярии визиря «простить бедной райи хлеб, который вы должны были купить у нее по дешевой цене»[2].

Свободная продажа хлеба запрещалась даже после выполнения государственных нарядов.

Система монополий, державшаяся в течение столетий, пришла в первой половине XIX века в острое и непримиримое противоречие с теми новыми условиями, которые создались, как внутри турецкой империи, так и в ее международном положении. Рост торговли и промышленности, связанные с этим увеличением городского населения, углубление специализации сельского хозяйства (выделение районов розоводства, табаководства, животноводства) — все это вело к появлению спроса зерновых на внутреннем рынке. Но еще большое значение в этом отношении имело победное шествие капитализма в Европе, быстро прогрессирующий там промышленный переворот и в связи с этим возрастающая потребность в ввозе хлебов в

---

[1] См. напр., Документи за българската история т. III. София, 1942, стр. 197 в дальн. ДБИ III.

[2] ДБИ, т. III, стр. 121.

большинство из европейских стран. Стена монополии испытывала нажим с двух сторон: с одной стороны, свободы хлебной торговли добивались турецкие чифликчии, особенно после отмены спахилука в 1830-х годах. С другой стороны, еще более сильное давление оказывали в том же направлении европейские государства.

Турецкое правительство вынуждено было в 30-х годах встать на путь отмены государственной монополии на хлеб. В отношении канцелярии визиря к окружным управителям Солуна и Триколе в 1837 г. содержится признание, что «причина апатии и лени, которая наблюдается в этом отношении среди большинства населения империи, кроется главным образом в том, что населению не разрешается, после выполнения нарядов вывозить за границу излишки своего хлеба»[1].

Первоначально турецкие власти пытались ограничиться лишь полумерой — они сохранили систему принудительных нарядов, но разрешили свободу торговли хлебом после выполнения нарядов[2]. Эта полумера не могла никого удовлетворить. В 1838 г. Англия вынудила Турцию подписать торговый договор, по которому, в числе других условий, воспрещалось установление каких бы то ни было монополий. В том же 1838 г. была подписана аналогичная франко-турецкая конвенция[3]. Это означало введение свободной вывозной хлебной торговли. Однако фактически свободная торговля установилась не сразу, ввиду препятствий со стороны турецких правительственных органов.

В начале 40-х годов зерновая торговля в Болгарии оказалась в сравнительно благоприятных условиях. Не только константинопольский рынок, но и ряд европейских стран предъявил в это время спрос на болгарские хлеба. Вывоз его стал расти быстрыми темпами. Хотя и по отдельным отрывочным данным, но можно представить себе картину развития зерновой торговли в 40-е годы.

Вывоз зерновых осуществлялся через порты на Черном море (Варна, Бургас, Балчик), на Эгейском море (Салоники, Энос, Родосто, Кавала, Воло) и через дунайские пристани (Видин, Лом, Никополь, Свиштов, Русе, Силистрия). Экспортировались пшеница, твердая и мягкая, рожь, ячмень, кукуруза, но первое место принадлежало пшенице. Вывоз зерновых стал быстро расти.

---

[1] ДБИ, т. III, стр. 226.
[2] ДБИ, т. III, стр. 226.
[3] А. Ф. Миллер. Краткая история Турции, М., 1948, стр. 66.

В 1840 г. из Болгарии, по всем трем указанным каналам (Черное море, Эгейское море и Дунай) было вывезено только 800 т. константинопольской киле или, по нашему расчету, 20 т. тонн[1].

В 1842 г. только из черноморских портов по данным „Yournal des österreichischen Lloyd" было вывезено уже в 4 раза более, а именно 3.200.00 киле пшеницы и ячменя (80 т. тонн)[2].

Увеличение вывоза продолжалось и достигло своего апогея в 1845—47 гг., когда неурожай зерновых во Франции, Бельгии, Голландии, Италии и Англии совпал с болезнью картофеля[3]. Во Франции неурожай 1845 г. был усилен наводнением, в Ирландии наступил настоящий голод. Вследствие этого хлебные цены повсеместно значительно поднялись, достигнув весной 1847 г. наибольшего уровня.

---

[1] По данным органа французского департамента агрокультуры, торговли и общественных работ Annales du commerce exterieure..., 1850 г., № 3, см. Michoff, contribution III. p 203.

Всякого рода цифровые расчеты, связанные с зерновой торговлей, кроме скудости и ненадежности источников, осложняются еще пестротой мер. В Болгарии употреблялось на внутреннем рынке как основная мера сыпучих тел так наз. киле (кило, кил), различное для разных видов продукции и разных местностей. Как можно было установить по ряду источников для пшеницы употреблялись следующие киле. В южной Болгарии киле равнялось 50—55 ок (ока=1,283 кг). В Бургасе, Месемврии оно составляло 40 ок, в Варне и Балчике — 80 ок, в Русе и Силистрии 120 ок, в Разграде и Шумле — 160 ок.

Для торговли с иностранными государствами употреблялось т. наз. константинопольское киле 19—20—21 ок. Нами для расчета принято константинопольское киле в 20 ок. Во всех случаях, кроме особо оговоренных, данные даются в константинопольском киле.

При вывозе во Францию применялась старинная французская мера шарж (charge) равная 1,6 гектолитра (см. Волков. Курс международной хлебной торговли, М., 1910, стр. 6—7). Для перевода в тонны нами принят следующий расчет:

константинопольское киле	— 25 кг.
шарж	— 125 кг.
гектолитр	— 77 кг.

Конечно, перевод зерновых в тонны, при отсутствии т. наз. хлебных проб, увеличивает неточность приводимых данных, но зато более отвечает нашей задаче. Наши расчеты отнюдь не претендуют на абсолютную точность, это исключается состоянием источников: их назначение установить общие тенденции развития зерновой торговли, соотношение различных этапов в ее движении, а это лучше достигается приведением различных мер к единой системе.

[2] Цит. по Косев Д. Лекции по нова българска история. София, 1951, стр. 53.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Третий международный обзор. Соч. изд. II, т. 7, стр. 448.

Высокие мировые цены, огромный спрос на европейском рынке привели к скачкообразному росту вывоза болгарских зерновых в европейские страны.

По данным « Annales du commerce exterieure » в 1845 г., из Варны, Бургаса и Балчика было вывезено 1.960.000 гектолитров пшеницы, ржи и ячменя (150 т. тонн)[1].

Вывоз 1847 г. был еще большим, о чем можно судить по следующим данным. Так, стоимость турецкого вывоза в 1847 г. только во Францию составляла 98.028 т. фр. против 51.241 т. в 1845 г. и 52.868 т. фр. в 1846 г. Этот рост объясняется усиленным ввозом зерновых.

«Ввоз во Францию в 1847 г. необычного количества зерновых, — пишет французский исследователь Викснелл, посетивший Европейскую Турцию в 40-е годы, — потребовал и большей активности навигации. Если в среднем ежегодно в 1835—1845 г г. в торговле Франции с Турцией участвовало 214 кораблей с общим тоннажем 58 т., то в 1847 потребовалось 542 корабля с тоннажем 167 тысяч тонн»[2].

У нас нет данных для определения точных размеров вывоза 1847 года, но представление о нем дают следующие цифры: из портов Эгейского моря было вывезено примерно 140 т. тонн. В то же время только во Франции в 1847 г. было вывезено из Турции 175 т. тонн зерновых, в Англию 94 т., а вместе в две эти страны 269 т.т.[3]. Кроме этого, еще имел место обычный вывоз в Турцию и на острова архипелага. Через черноморские порты вывоз был во всяком случае не менее, чем в 1845 г., т. е. не менее 150 т. тонн, к этому следует добавить вывоз через Дунай.

По самой скромной оценке вывоз 1847 г. должен быть не менее 300 т. тонн зерновых.

Таким образом, в первое десятилетие свободной зерновой торговли для Болгарии сложилась весьма благоприятная обстановка.

Успехи зерновой торговли с момента ликвидации мононо-

---

[1] Michoff, contribution III. p. 203.

[2] Viquesnell. Voyage dans la Turquie d'Europe. Paris. 1868, I, p 323.

[3] П. И. Георгиевский. Международная хлебная торговля СПБ. 1885. Приложение А и Б.
В"Annales du commerce exterieure" (1850, № 3, p. 24. См. Michoff contr III, p. 207) приведены иные данные о вывозе зерновых из Турции во Францию в 1847 г., значительно превышающие приведенные выше, а именно — 247 т. тонн. Однако, мы предпочли взять более надежные сведения, собранные в специальном, тщательно подготовленном исследовании Георгиевского.

лии наглядно видны из динамики роста вывоза зерновых из черноморских портов Болгарии.

В 1839 г.	вывоз составил	14—15 т. тонн[1].
» 1842	—»— не менее	— 80 т.т.
» 1845	—»— —»—	— 150 т.т.
» 1847	более	— 150 т.т.[2]

Если учесть, что вывоз зерновых из всей Болгарии составил в 1840 г. лишь 20 т. тонн, то приходится констатировать, что за первое десятилетие свободной торговли экспорт зерновых из Болгарии возрос не менее чем в 10 раз и сделался известным фактором как в международной зерновой торговле, так и во внутренней жизни страны.

Появление болгарского хлеба на мировом рынке было сразу же замечено, хотя реакция со стороны заинтересованных государств была различной.

Первое появление болгарской пшеницы на английском рынке было отмечено в печати в 1842 г.[3]

В отчете за тот же 1842 год департамент внешней торговли Министерства финансов России не без известной тревоги указал на появление болгарской пшеницы на хлебном рынке черноморского бассейна. Авторы отчета выразили надежду, что ввиду более низкого качества румелийской пшеницы и плохих путей сообщения в Болгарии новый конкурент не будет опасным[4].

Французская экономическая пресса, отмечая появление болгарского хлеба на французском рынке, наоборот, рассчитывала видеть в его лице серьезного конкурента России. «Сельскохозяйственный и коммерческий прогресс этой части побережья, — писал упомянутый выше орган французского департамента, — в течение последних лет грозит серьезной конкуренцией Одессе. Турецкие порты Бургас, Варна так же, как и Балчик, уже принимают довольно значительное участие в снабжении зерном складов Марселя, которые ранее оттуда непосредственно почти ничего не получали»[5].

Вместе с тем усиление внешней торговли Болгарии за счет вывоза зерновых было использовано в борьбе, которая развернулась в тот период между европейскими государствами

---

1 Данные „Yournal des österreichischen Lloyd"
См. Косев. Лекции по нова Българска история. София, 1951, стр. 53
2 Источники даны выше. вывоз 1847 г. наш расчет. Н. Л.
3 Michoff, II erste Band, s. 30.
4 ЦГИА (Лен-д) ф. 560, д. 470, стр. 24.
5 Annales du commerce exterieurę... 1847, № 2, p. 22 см. Michoff, contribution III, p. 163.

по так наз. «восточному вопросу». Английские и французские политические деятели, журналисты, в частности, пытались представить развитие зерновой торговли как результат реформ, осуществленных турецкими правящими кругами, как, якобы, несомненное свидетельство жизненности и процветания турецкого государства. Так, например, французский экономист Оммер де Элль (Hommaire de Hell) в обширной статье в «Courier de Constantinople », посвященной положению сельского хозяйства на западных берегах Черного моря, пишет, что этот район «находится в самых счастливых условиях для того, чтобы извлечь всю выгоду из мудрых реформ, провозгласивших несколько лет тому назад свободу земледелия и отмену монополий в оттоманской империи...»[1].

Он говорит даже о «великой аграрной революции, которая развертывается на западных берегах Черного моря» и утверждает, что этот факт опровергает все аргументы о неспособности Турции к «цивилизованной действительности»[2].

Еще более беззастенчивым апологетом турецкого режима выступает некий Лемониди, автор работы о торговле в Турции, изданной в 1849 г. в Константинополе[3].

Оммер де Элль и ему подобные, восхваляя поверхностные реформы османского государства, сознательно затушевывали главные препятствия на пути развития производительных сил Болгарии — полуфеодальные производственные отношения, национальный гнет, начавшееся превращение Турции в полуколонию.

Развитие зерновой торговли действительно было связано с рядом изменений в жизни страны, но они отнюдь не носили характера «аграрной революции» и мало были обязаны пресловутым турецким реформам. Возможность широкого сбыта и высокие цены на зерно сразу же подняли значение таких культур, как пшеница, ячмень, кукуруза. Если в 30-х годах рыночная цена киле пшеницы была на уровне 6—6,5 пиастров, то, начиная с 1840 г., она быстро растет и в середине 1840-х годов достигает 11—14 пиастров[4]. Зерновые культуры, производство которых ранее было экономически невыгодно, теперь превращаются в доходную статью. Вот почему наблюдается в связи с этим резко возросший интерес к зерновым и увеличению их

---

1 Courier de Constantinople, 1847, 23 1
См. Michoff, contribution. M. p. 177.

2 ibid. p. 172.

3 Lemonidi. Du commerce de la Turquie. Constant. 1849, p. 65.

4 Ниже будет приведена сводка движения цен.

роли в экономике страны. Лучше всего это можно проследить на примере Южной Болгарии, в торговле и в производстве которой зерновые до сих пор (за исключением риса) занимали второстепенное место.

Новые процессы, происходившие там, отражены в донесениях русских консулов в Адрианополе, главном городе адрианопольского пашалыка, в состав которого входила тогда Южная Болгария.

Подводя экономические итоги 1843 г. вице-консул Фонтон констатировал, что «год от года экспортная торговля увеличивается... зерновые и масляничные становятся единственным объектом общественных занятий»[1].

В отчете за 1844 год он снова отмечает: «Торговля в течение года процветала, особенно экспортными товарами. Сельское хозяйство в течение нескольких лет движется вперед, по причине спроса на зерновые в Европе. Значительные продажи имели место в Адрианополе и, особенно в провинциях Филиппополи, Ески-Загра, Казанлык, Мустафа-Паша»[2].

Действительно, вывоз зерновых из Адрианопольского пашалыка быстро растет, а именно:

В 1843 г.	вывезено	300 т.	тонн киле,	или	7,5 т. тонн.
« 1844 г.	«	400 т.	«	«	10 т. тонн.
« 1846 г.	«	2.500 т.	«	«	62,5 т. тонн.
« 1847 г.	«	2.700 т.	«	«	67,5 т. тонн[3].

В связи с этим в короткий срок 7—8 лет изменился характер внешней южно-болгарской торговли — на первое место вышли зерновые, оттеснив старые традиционно ведущие предметы вывоза. Из общей стоимости вывоза в 1846 г. из Адрианопольского пашалыка в 51.708.000 пиастров на долю пшеницы, ржи, кукурузы и ячменя пришлось 22.690.000 или 43,7 проц.[4]. В вывозе 1847 г. на зерновые падает 36 млн. пиастров на 54.185.000 или 66 проц.[5]

Новое соотношение, сложившееся в экспорте из Южной Болгарии, видно из следующей таблицы, в которой показана

---

[1] АВПР. Фонд посольства в Конст-ле, 1844, д. 779, л. 11.

[2] АВПР, ф .посольство в Конст-ле, 1844, д. 779, л. 108.

[3] АВПР, ф. посольство в Конст-ле, д. 779, лл. 1, 108, д. 817, л. 98, д. 834, л. 123.

[4] АВПР, ф. посольство в Конст-ле, 1846, д. 817, л. 98.

[5] АВПР, ф. посольство в Конст-ле, 1847, д. 834, л. 123.

доля основных товаров в вывозе 1846 г. из Адрианопольского пашалыка[1].

	В %% к общей сумме вывоза
Зерновые(пшеница, рожь, кукуруза, ячмень)	43,7
Рис	6,6
Аба и изделия из нее	15,3
Шерсть	4,5
Шелк	4,6
Розовое масло	5,6
Гайтаны	5,7
Кожи, сафьян	4,5
Табак	2,8
Кунжут	3,5
Прочее	3,2
	100

Если так обстояло дело в Южной Болгарии, то, естественно, что в Северной Болгарии, зерновым принадлежало теперь, бесспорно, ведущее место.

Успех зерновой торговли привел к образованию довольно многочисленной прослойки хлеботорговцев крупных и малых, и прежде всего в центрах сосредоточения и вывоза хлеба. Пападопуло-Врето, бывший греческим консулом в Варне в начале 1850-х годов, сообщает в своем труде о Болгарии, что в Варне после 1840 года учредилось много представительств торговых домов Константинополя для зерновой торговли[2].

Крупные торговые константинопольские дома Кастелли Ралли (Rally), Маврокордото, Шилицци (Schilizzi)[3] вели

[1] АВПР, ф. пос-во в Конст-ле, 1846, д. 817, лл. 98—99.
[2] Papadopoulo Vretos. La Bulgarie ancienne et moderne. SPB. 1858, p. 217.
[3] АВПР, ф. пос-во в Конст-ле, 1867, д. 1013, л. 27.

закупку хлеба по всей территории Болгарий.

В связи с важным значением Варны в 1841 г. общество Ллойд-Триест установило в ней свое агентство[1]. Крупные торговые дома, ведущие зерновую торговлю образуются в Никополе[2] и других придунайских городах.

И. Богоров, совершавший путешествие по Болгарии в 1865— 1866 г г., отмечает, что в Чирпане, Хаскиое многие лица еще с десяток лет назад начали обогащаться хлебной торговлей[3]. Как можно судить по свидетельству Богорова, целый ряд содержателей постоялых дворов, торговцев различными товарами занялись теперь выгодной хлебной торговлей[4].

Наряду с образованием крупных торговых домов, иностранных и туземных, возник значительный слой мелких спекулянтов.

Активное участие приняли в хлебной торговле откупщики десятины (ошура).

В связи с подъемом зерновой торговли начинают быстро расти и превращаться в торговые центры, некоторые ранее второстепенные и даже третьестепенные городки и местечки такие, как Балчик, Бургас. Еще в 1834 г. один французский путешественник описывает Бургас как «кучу жалких деревянных бараков, населенных греками и некоторым количеством болгар»[5], а в 1848 г., учитывая новое положение вещей, Австрийский Ллойд установил пароходное сообщение между Бургасом и Константинополем[6].

Возникшую и быстро развивавшуюся в тот период зерновую торговлю Болгарии пытались захватить в свои руки иностранные коммерсанты — крупные торговые дома Константинополя, Триеста, Марселя и т. п.

В выдвинувшейся на первое место Варне в течение 40-х годов спешно учреждается ряд консульств. В 1841 г. было установлено австрийское консульство, в 1843 г., французское, затем греческое, сардинское, русское, английское и даже бельгийское, «хотя, — как пишет Парадопуло, — там не было ни одного бельгийского подданного»[7].

---

1 Papadopoulo. Vretos, указ. соч., стр. 222.

2 Селищев. Описание Болгарии в 60-х годах прошлого века, София, 1931, стр. 192.

3 Богоров И. Избран. соч. София, 1940, стр. 71.

4 Там же, стр. 71.

5 Relation d'un Voyage en Roumelie. Paris, 1834, p. 13.

6 Papadopoulo. Vretos, указ. соч. р 234.

7 ibid. p. 222.

Как отразились все эти новые явления на аграрных отношениях, на положение крестьян и крупных землевладельцев? К сожалению, источники пока позволяют ответить на этот вопрос лишь в самых общих чертах.

Как уже указывалось выше, в 30-х годах XIX в. осуществилась ликвидация спахилука.

Высокие цены на зерновые и все растущий спрос на них вызвал у турецких крупных землевладельцев заинтересованность в развитии зернового хозяйства, в увеличении сельскохозяйственной продукции, в ликвидации препятствий, стоящих на пути зерновой торговле. Один из самых вдумчивых исследователей Европейской Турции, неоднократно посещавший ее и как раз в эти годы — Викснелл отмечает, что «турки (имея в виду крупных землевладельцев — Н. Л.) пристрастились к сельскохозяйственным работам»...[1]

Действительно, в этот период (40-е годы) наблюдается совместная деятельность землевладельцев и купцов по улучшению условий зерновой торговли.

Выше уже упоминалось, что турецкие местные власти на первых порах всячески препятствовали зерновой торговле отчасти из фискальных соображений, отчасти из стремления обеспечить Константинополь хлебом.

Дело доходило до запрещения таможнями Эноса и Адрианополя вывоза закупленных русскими и местными купцами зерновых[2].

Под объединенным натиском иностранных купцов и туземных крупных землевладельцев, турецкое правительство в 1843 году ликвидировало внутреннюю таможенную пошлину на хлеб, провозимый посуху[3]. Однако в ряде очень важных пунктов, например, в Адрианополе, внутренние таможни остались и потребовался новый нажим на правительство.

Весьма показательна, как по составу, так и по задачам, делегация от Адрианополя, посланная в 1845 г. в столицу. В ее состав входили два турка, по всей вероятности крупные землевладельцы, армянин (банкир) и грек (меховщик). Делегация должна была добиваться в Константинополе ликвидации таможни в Адрианополе, уничтожения плотин водяных мельниц на Марице, мешающих судоходству и, наконец, организации правительством продажи сельскохозяйственных орудий по до-

---

[1] Viquesnell, указ. соч. т. I, p. 265.
[2] АВПР, ф. пос-ва в Констан-ле, 1839 г., д. 735, лл. 44,58.
[3] ДБИ, II, стр. 279.

ступным ценам[1]. Это была программа развития зернового производства и зерновой торговли. Она настолько интересовала турецких землевладельцев и купцов, что они настойчиво повторили свои требования самому султану Абдул-Меджиду во время его приезда в Адрианополь в 1846 г.[2].

Почти все эти требования были удовлетворены: таможня в 1846 г. была ликвидирована и приступлено было к очистке русла Марицы, к уничтожению плотин на ней и к работам по улучшению порта в Эносе.

Естественно, что заинтересованность в росте зернового производства, выгоды, которые сулила торговля зерном стимулировали процесс увеличения посевных площадей под зерновыми, а вместе с тем обостряли борьбу за землю. Бывшие турецкие спахии, как раз к этому времени лишившиеся своих феодальных прав на землю, и многие другие представители правящего класса стремятся в этот период различными методами приобрести землю. Не последнее место среди этих методов занимал прямой или слегка юридически замаскированный захват крестьянских земель[3]. В этой обострившейся борьбе принимают энергичное участие и болгарская торговая буржуазия, болгарские беглекчии и т. п., находящие теперь выгодным для себя вкладывать капитал в производство зерновых.

Насколько позволяют судить источники, можно установить, что по вопросу о способах увеличения товарной продукции и обеспечения наибольшей прибыли среди крупных землевладельцев наметились два направления. Одна часть продолжала по-прежнему отказываться от создания собственного хозяйства и предпочитала отдавать землю в аренду крестьянам. Но теперь, втянутая в торговый оборот, эта часть крупных землевладельцев усиливает кабальный характер аренды. В частности, теперь причитающуюся им долю урожая они обязывают крестьян-арендаторов бесплатно доставлять к складочным местам, или прямо к пристаням. «В течение времени, — доносил русский консул в Адрианополе Ващенко в 1848 году, — некоторые из владельцев (земли. — Н. Л.), употребляя во зло свое право, стали приневоливать поселян к доставке десятины, особенно зернового хлеба, на собственных подводах на указан-

---

[1] АВПР, ф. пос-ва в Конст-ле, 1845, д. 899, лл. 33—34.
[2] АВПР, ф. пос-ва в Конст-ле, 1846, д. 817, л. 89.
[3] См. Левинтов Н. «Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг.». Сб. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953, стр. 145—149.

ное место, часто довольно отдаленные без всякого вознаграждения. Подобного злоупотребления земледельцы не терпели по крайней мере со стороны правительства»[1].

Другая часть крупных землевладельцев под влиянием новой конъюнктуры перешла к ведению собственного хозяйства при этом широко применяя бесплатный труд крестьян (ангарию). Факт широкого распространения ангарии вынуждено было неоднократно признать само турецкое правительство.

Таким образом последствия втягивания Болгарии в мировую зерновую торговлю при выгодной конъюнктуре 40-х годов XIX века носили двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, происходит известная интенсификация зернового производства, усиливается рост товарно-денежных и капиталистических отношений в деревне, увеличивается дифференциация в ней, создаются более благоприятные условия для торговли (отмена внутренних таможен, попытки улучшить пути сообщения и т. п.).

С другой стороны, усиливается полуфеодальная форма эксплуатации крестьян, появляются новые методы их угнетения, в сельскохозяйственной технике не происходит сколько-нибудь существенных изменений, рост с/х продукции достигается в основном за счет расширения посевных площадей и за счет увеличения степени эксплуатации крестьян.

Эта двойственность, эта противоречивость были неизбежны при господстве турецкого полуфеодального государства и наличии национального угнетения.

Вот почему подъем зернового хозяйства в 40-х годах, не опиравшейся на полную ликвидацию феодальных отношений, не мог не быть временным явлением.

И действительно уже с конца 40-х годов обстановка начинает изменяться.

Благоприятные для Болгарии условия 40-х годов объяснялись не только неурожаем в Европе, но и тем, что как раз в этот период начался процесс складывания мирового зернового рынка. По времени он совпадает с рассматриваемым в настоящей статье этапом (1840—1870 гг.); на мировой зерновой арене происходят весьма важные сдвиги в соотношении сил, меняются не только места, но и роли отдельных стран, начинает выкристаллизовываться деление стран на две основные группы ввозящих и вывозящих хлеба.

В начале этого периода США еще не заняли доминиру-

---

[1] АВПР, ф. пос-во, в Конст-ле, 1848, д. 851 а, л. 139.

ющего положения в зерновой торговле, еще не вышли на арену такие в недалеком будущем заметные поставщики зерновых, как Индия, Австралия, Чили, Аргентина. В то же время удельный вес ранее ведущих стран — экспортеров зерновых — Германия и Франция — стал падать.

Этот период перестройки мирового зернового рынка способствовал временному успеху вывозной болгарской зерновой торговли, но, естественно, что этот фактор должен был себя исчерпать и дело в конечном итоге должно было решаться внутренними условиями, а они в Болгарии как раз были весьма неудовлетворительными.

С конца 1840-х годов международная рыночная конъюнктура стала изменяться. Кризис 1847 г., революция 1848 г.—все это привело к уменьшению требований на хлеб из-за границы. Вывоз из Болгарии стал быстро падать, равно как и цены на зерновые. Так, из Адрианопольского пашалыка было вывезено зерновых, по данным русского консула:

в 1847 г.	67,5 т. тонны	на сумму	54.185 т. пиастр[1].
в 1848 г.	3,1	—»—	1.500
в 1849 г.	8,0	—»—	2.680
в 1850 г.	4	—»—	1.688

На рынках Франции, Англии спрос на болгарскую пшеницу резко пал.

В 1849 г. было вывезено из Турции в эти две страны только 25 т. тонн пшеницы, против 160 т. т. в 1847 г.[2]

В то время, как вывоз шелка, шерсти, розового масла остается в основном на прежнем уровне, хлебная торговля обнаружила свой неустойчивый характер.

Эта первая полоса спада и затруднений привела к охлаждению земледельческого пыла части турецких земледельцев. Лишь немногие из них думали об улучшении своего хозяйства для борьбы на мировом рынке. Среди большинства из них начало распространяться стремление продать свои земли. Русский вице-консул в Адрианополе Ступин в донесении от 10/IX-1852 г., обратил внимание на этот процесс, указав, что «возрастающее болгарское население... овладевает недвижимым богатством страны»[3].

Правда, вскоре на краткий срок конъюнктура на европей-

---

[1] АВПР, ф. пос-во в Конст-ле, 1847 г., д. 351, л. 147; 1848 г., д. 871, л. 161; 1850 г., д. 916, л. 10.

[2] П. Георгиевский. Международная хлебная торговля. Вып. I. СПБ. 1885. Приложения А и Б.

[3] АВПР, ф. пос-во в Конст-ле, 1852, д. 937, л. 114.

ском рынке вновь сложилась благоприятно для болгарского хлеба, в связи с Крымской войной и прекращением русского вывоза, с закупками для турецкой, английской и французской армий. После пятилетнего перерыва вновь оживились пристани Бургаса, Балчика, Анхиало, Месемврии , не говоря уже о Варне и дунайских городах. Цены на зерновые в этот период резко возросли и по свидетельству русских консулов доходили до 40—50 пиастров за киле[1]. Однако следует заметить, что крестьянство от этого повышения цен выиграло немного, ибо турецкие власти осуществляли принудительную реквизицию продовольствия, выдавая вместо денег квитанции. В то же время произвол турецких солдат, башибузуков, местных властей чрезвычайно усилился, грабежи, убийства, изнасилования, надругательства над болгарами приняли массовый характер[2].

Но хлебные спекулянты, кулацкая верхушка деревни использовали с успехом временную военную конъюнктуру.

Как и следовало ожидать, после окончания Крымской войны вновь наступил спад.

Последующий двадцатилетний период 1857—1876 гг. отличался значительной неустойчивостью характера зерновой торговли.

У нас нет суммарных данных об экспорте зерновых за это время, однако донесения русских, бельгийских и французских консулов позволяют установить более или менее точную картину вывоза из Варны.

Варна, несомненно, была крупнейшим портом вывоза зерновых, деятельность которого позволяет в известной степени судить о хлебной торговле Болгарии в целом.

По данным донесений бельгийского консула в Варне Тедески, охватывающих период 1857—1876 гг., вывоз зерновых из Варны представляется в следующем виде (по трехлетиям).

1857—1859 гг.	среднегодовой вывоз	— 26,6 т. тонн.
1860—1862 гг.	—»—	— 30,6 т.—»—
1863—1865 гг.	—»—	— 43,2 т. —»—
1866—1868 гг.	—»—	— 66,3 т. —»—
1869—1870 гг[3]	—»—	— 22,8 т. —»—
1872—1874 гг.	—»—	— 43,6 т. —»
1875—год	вывоз	— 44,6 т. —»—[4]

---

[1] АВПР, ф. пос-во, в Конст-ле, д. 1903, л. 92.

[2] См. напр. яркую картину положения болгар в период Крымской войны, данного Раковским в «Горски путник».

[3] За 2 года, т. к. за 1871 г. сведений нет — Н. Л.

[4] См. Michoff, contr. I, p. p. 4-88.

Динамика экспорта из Варны такова, что до середины 60-х годов вывоз в целом рос, на 1866—67 год падает его максимум, а затем начинается заметное и безостановочное сокращение объема хлебной торговли.

Это характерно не только для Варны, но и для дунайских пристаней и для вывоза из Южной Болгарии, и связано с рядом причин как внутреннего, так и внешнего порядка.

Конечно, в первую очередь на величину хлебного отпуска влиял урожай, и в неурожайные годы, как, например, в 1862 г., в 1869—70 гг. ожидать большого вывоза не приходилось. Но и при хорошем урожае, например, 1861 года, или 1863 года, спрос на зерновые был невелик, что и определило незначительный объем торговли ими в эти годы.

Рост вывоза в середине 60-х годов объясняется не в последнюю очередь тем обстоятельством, что два гиганта мирового хлебного рынка—США и Россия по различным причинам временно ослабили свою экспортную деятельность. В связи с гражданской войной в США вывоз северо-американского хлеба резко пал. Так, в ввозе пшеницы в Англию на долю США в 1865—1867 гг. пришлось в среднем 6,5 проц. против 38 проц. в предшествующее трехлетие. В то же время доля ввоза из Турции соответственно возросла с 1,5 проц. до 4 проц.[1].

Одновременно в первую половину 60-х годов в связи с реформой 1861 г. русский зерновой экспорт не только не рос, но даже уменьшался[2].

Основными потребителями болгарского хлеба в 60-х годах оставались Турция, Греция, Италия, Австро-Венгрия, на рынках которой все возрастала конкуренция со стороны венгерского и особенно румынского хлеба[3].

Из экспорта пшеницы, идущей через Варну, на долю Турции падало в 1865 г.—14 проц., в 1866 году—30проц и в 1867 — 25 проц. На долю Греции соответственно приходилось 50 проц., 32 проц. и 17 проц., Италии — 12, 14 и 20 процентов[4].

Безусловно доминирующее место в вывозе из Варны занимала пшеница, на которую приходилось более 80 проц. всего экспорта.

Если вспомнить, что Турция была не только основным

---

[1] Георгиевский. Ук. соч. стр. 232—233.

[2] В 1861 г. из России было вывезено 9,7 млн. четв. в 1862 — 8,1 млн., в 1863 — 7,4 млн. четв., в 1864— 9,7 млн. четв., ЦГИА (Л—д) ф. 560, дд. 737, 780, 812.

[3] См. Волков. Курс международной хлебной торговли СПБ, 1910, стр. 82.

[4] Michoff, contr...,I p. p. 33, 43, 49.

потребителем болгарских зерновых, но и мяса, масла, сыра и т. п., то ясно станет большая заинтересованность в сохранении турецкого рынка части болгарской торговой буржуазии, связанной с этим рынком и не останавливающейся перед изменой делу национального освобождения ради его сохранения.

Варна была вообще крупнейшим торговым портом Северной Болгарии и по ней можно судить о характере торговли вообще, в частности об удельном весе зерновой торговли. Из консульских донесений явствует, что экспорт всех остальных товаров, включая шерсть, кожи, табак и т. д., составлял менее 1/3, в то время как на зерновые падало более 2/3 всего вывоза.

Так, например, в 1874 г. из общей стоимости экспорта Варны в 14.985.891 фр. на долю зерновых пришлось 10.006.200 фр., или 71 проц (при этом стоимость пшеницы составила 9,1 млн. фр.). Весь остальной вывоз, включая шерсть, кожи и т. д. составил лишь 29 проц.[1].

Это соотношение было характерно в целом для всего изучаемого периода, ибо экспорт зерновых в 1874 г. был отнюдь не рекордным.

Кроме Варны, зерновая торговля очень оживленно проходила в дунайских городах — Видине, Ломе, Никополе, Свиштове, Русе. По сведениям, собранным участником русской военно-топографической экспедиции поручиком Скалоном из Видина, Рахова, Лома, Никополя в 1866 г. было вывезено 31,2 т. тонны пшеницы, 8,2 тонны кукурузы и 6,5 т. тонн ячменя, а всего 46 т. тонн зерновых[2].

Эти данные не охватывают вывоза ряда других пристаней Дуная и в том числе Свиштова. Кроме того, следует иметь в виду, что часть болгарского хлеба шла через румынские пристани. Через дунайские пристани наряду с пшеницей в больших и все увеличивающихся количествах шла так же кукуруза, которая имела стабильный успех на английском рынке.

Большое значение для дунайской торговли имело открытие в 1860 году железной дороги от небольшой румынской пристани Кюстенджи (Констанца) до местечка Черновода на Дунае, протяженностью в 60 км, значительно сокращающей кружной путь по Дунаю до устья (до Сулина). Английская

---

[1] ibid p. 8

[2] Селищев С. Н. Описание Болгарии в 60-х годах прошлого века. Годишник на Народната библиотека в София за 1926—28 гг. София 1931, стр. 192—193.

компания, которой принадлежала эта дорога за плату в 5 шиллингов с тонны хлеба производила выгрузку барж в Черноводе, погрузку в вагоны и доставку в Кюстенджу и ссыпку по трубам в трюмы пароходов, ошвартованных у набережной порта[1].

Погрузка и разгрузка в Черноводе и Кюстендже была механизирована, была организована очистка зерна, построены склады, прочный мол превратил опасный для стоянки судов рейд в Кюстендже в хорошую гавань с каменной набережной, вплотную к которой швартовались корабли[2].

Вскоре другая английская компания получила концессию на постройку железной дороги Варна—Русе и открыла ее в 1866 г. Но эта дорога не могла соперничать с черноводской по привлечению продукции дунайского бассейна, так как она строилась на основе покилометровой гарантии и ее хозяин—английская компания—не заботился об оборудовании подъездов, складов, разгрузочных механизмов и т. п. Скорость была незначительная, поезд из 7 вагонов путь в 220 км проходил в 10 ч. «Конечно, при таких условиях,—доносил русский консул в Русе Мошнин в 1873 г.,—железная дорога не может быть выгодной для торговли, особенно зерновой. Прибавьте к этому, что на всем берегу Дуная, а равным образом в Варне, нет никаких средств к погрузке и разгрузке, да и такса сравнительно выше той, что берут телеги. Кроме того, в Варне станция находится далеко от берега среди болота...»[3].

По сведениям Мошнина, Варненская железная дорога перевезла в 1869 г.—22.106 тонн зерна и в 1870 г. 21.820 тонн[4] в то время, как Черноводская ж. д. перевезла в 1868 г.—124 т.т.[5].

Перевозкой зерна по Дунаю занята была многочисленная флотилия небольших парусных судов («Дунавски кораб») вместимостью от 100 до 200 тонн, с экипажем в 6—12 чел. Мошнин определял число этих судов в начале 70-х годов в 600 турецких и болгарских и в 50 румынских[6]. Эти суда совершали рейс обычно между Видиным и Сулиным, продолжавшийся вниз 7—8, вверх 30—40 дней.

На пароходах австрийской привилегированной дунайской

---

1 Н. Ф. Меледин. Значение Нижнего Дуная для торговли и судоходство за последние 30 лет. СПБ, 1895, стр. 5.

2 АВПР, ф. Гл. архив А 2. 1873 г., д. 764, л. 141.

3 АВПР, ф. Гл. архив А 2, 1873 г., д. 764, л. 142.

4 Там же. л. 142.

5 Там же. л. 145.

6 Там же. л. 147.

компании, монопольно хозяйничавшей на Дунае, зерно почти не перевозилось ввиду высокого фрахта.

Известное значение для улучшения торговли вообще, зерновой в особенности, имело усиленное строительство шоссейных дорог, предпринятое в Дунайском вилайете Мидхат пашою, назначенным в 1866 г. управителем вилайета.

Так шоссейные дороги связали Варну с Русе через Разград—Шумлу—Еки—Базар; Варну с Силистрией через Пазарджик, Русчук с Тырново, с Систово, с Софией и т. д.

Но вместе с тем эта сеть дорог ни по масштабам, ни по качеству не отвечала требованиям. Оставался ряд районов почти отрезанных от портов вывоза зерновых, в том числе и такой важный сельскохозяйственный район, как софийский.

«Бедность обитателей города и деревень, — доносил русский консул Золотарев в 1865 г. о своем посещении Софии, — самая большая, вследствие отсутствия выходов к морю. Ока хлеба стоит в этой провинции половину того, что она стоит в Филиппополе, хотя между ними лишь 30 часов расстояния»[1]. Об этом же говорят и наблюдения Скалона, бывшего здесь 3 года спустя[2]. Цены за перевозку хлеба оставались высокими. Так, в начале 70-х годов цена киле пшеницы в селах, имеющих сообщение с Дунаем составляла 12 пиастров, а не имеющих сообщения — 6 пиастров[3].

Наконец, следует указать, что в 60-х годах имело место некоторое увеличение зернового производства в Дунайском районе за счет переселения крымских татар в Добруджу.

Что касается Южной Болгарии, то зерновая торговля в 60—70-х годах там была незначительной и больше не занимала там того места, которое удалось ей достичь в 40-х годах. Стоимость вывоза хлебов значительно уступала стоимости экспорта шелка-сырца, сусама, шерсти. Неблагоприятно на зерновой торговле сказывалась и скверная система путей сообщения, модернизация которой почти прекратилась.

Выше указывалось, что в 40-х годах, под нажимом хлеботорговцев начались работы по очищению Марицы от плотин,

---

[1] АВПР, пос-во, в Конст-ле, 1865 г., д. 1011, п. 324.
[2] Селищев А. Н. Указ. раб. стр. 190.
[3] АВПР, ф. Гл. архив А 2, д. 764, л. 155.

мешающих судоходству, углублению ее русла и т. д. Для этой цели был введен специальный налог[1]. Однако вскоре работы были приостановлены, и в 1862 г. русский консул с грустью констатировал: «Пути сообщения и средства подвоза находятся до сего времени в первобытном состоянии. Марица, по которой сплавляют зерновой хлеб в Энос в плоскодонных лодках (салах), весьма легко могла бы быть очищена от наносных песков, если бы множество мельниц, устроенных по обеим берегам оной, не делали этой очистки почти невозможной»[2]. Неудачно окончилась попытка наладить регулярное пароходное сообщение на Марице.

В 1859 г. пароходная компания открыла движение по линии Пловдив—Адрианополь—Энос[3], но в 1862 г. вынуждена была прекратить свою деятельность[4].

В 1867 г. ряд крупных торговых домов Константинополя, ведущих зерновую торговлю в Болгарии, обратился с жалобой к властям, в которой указывалось, что работы по приведению в порядок порта Энос были выполнены плохо, и были разрушены первым же половодьем. Но правительство продолжает взимать сбор в 10 процентов с грузов, перевозимых по Марице (установленный еще в 1846 г. для оплаты работ по исправлению Марицы).

Далее купцы жалуются, что «плоты ежедневно разбиваются на Марице» и грозят прекратить покупку зернового товара в Румелии[5].

Не имела большого значения для зерновой торговли и вообще та важная железная дорога Константинополь—Пловдив—София—Белград, первый участок которой (Константинополь — Адрианополь—Пловдив—Пазарджик—Белово) был открыт в 1873 г. Высокие фрахты, отсутствие оборудования для погрузки и разгрузки хлебов, наконец, беззастенчивое стремление концессионеров использовать железную дорогу как орудие грабежа болгарского народа не позволило этой железной дороге сыграть ту роль в развитии зерновой торговли, которую при иных условиях она безусловно могла бы сыграть.

Можно теперь попытаться определить объем зерновой торговли Болгарии в целом в 60-е—70-е годы. Для Дунайского вилайета такую попытку предпринял в 1873 г. русский консул

---

1 АВПР, ф. пос-во, в Конст-ле, 1847, д. 834, л. 118.
2 Там же, 1862, д. 1008, л. 86.
3 Там же, 1859, д. 1005а, л. 40.
4 Там же, 1862, д. 1008, л. 86.
5 Там же, 1867, д. 1013, л. 27.

в Русе Мошнин, подготовивший объемистую «Записку о торговле Дунайского вилайета», уже выше нами использованную.

«Трудно определить с точностью количество вывезенного зерна из вилайета,—пишет Мошнин,—ибо значительная часть его идет по судам в Ибраилов Галац Сулин». По его расчетам из Кюстенджи, дунайских пристаней от Видина до Русе, из Варны и Балчика вывезено всего 4,5 млн. гектол. зерновых»[1]. Мошнин произвольно и ошибочно считает весь вывоз через Кюстенджу болгарским (2,4 млн. гект.), в то время, как значительную часть его составлял румынский хлеб. Это лишает данные Мошнина нужного нам значения. Без вывоза из Кюстенджи общий экспорт Сев. Болгарии составляет по Мошнину примерно 175 т. тонн. Можно без риска особенно грубо ошибиться прибегнуть к методу аналогии. Статистические данные показывают, что в 1881—85 г г. на долю Варны падало 32—36 процентов всего вывоза зерновых Северной Болгарии (до воссоединения с Южной Болгарией) и 60—65 процентов вывоза пшеницы, а две трети всего вывоза приходились на дунайские пристани[2].

Хотя после 1878 г. условия зерновой торговли для Болгарии изменились, но указанное соотношение в известной степени отражало и положение предшествующего периода. Поэтому, если максимальный вывоз из Варны составлял в середине 60-х годов 65 т. тонн зерновых, то вывоз из дунайских пристаней был, видимо, 120—130 т. тонн, а в целом это составило бы 185—195 т. тонн. Если мы будем суммировать отдельные разрозненные сведения о вывозе из различных пристаней, то придем к результату в 150—160 т. т. вывоза. Видимо, в этих границах и происходил вывоз зерновых в хорошие годы, что не расходится особенно с расчетами Мошнина.

Что касается Южной Болгарии, то в лучшие годы экспорт зерновых оттуда не превышал 50 т. тонн[3].

Таким образом, если мы определим весьма грубо зерновой экспорт Болгарии в целом в лучшие годы перед освобождением в 200—230 т. тонн, то следует признать, что объем зерновой торговли был значителен. Для сравнения приводим данные об экспорте зерновых сразу после освобождения Болгарии.

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив, А 2, 1873 г., д. 764, л. 153.

[2] Вычислено по «Статистике за търговията на Българското княжество с чуждите държави» за 1882, 1883, 1884, 1885 г.г

[3] Michoff, contr. III, p, 135.

1882 г. — 214 т. тонн	1886 г. — 259 т. т.
1883 г. — 277 т. т.	1887 г. — 177,8 т. т.
1884 г. — 180 т. т.	1888 г. — 220 т. т.
1885 г. — 277 т. т.	1889 г. — 489 т. т.[1]

Этот относительно большой экспорт не опирался на соответствующий рост производительных сил в сельском хозяйстве. Он в значительной степени стимулировался грузом налоговых обложений и тяжестью кабальных арендных условий.

Но вместе с тем этот вывоз значительно меньше экспорта середины 40-х годов. Это последнее обстоятельство связано, как нам, представляется, не только с конъюнктурой на внешнем рынке, но и с изменениями в аграрных отношениях: в 60-х—70-х годах успешно шел процесс покупки болгарскими крестьянами земель у турецких чифликчиев.

В этой связи считаем необходимым коснуться важного и спорного вопроса о категориях болгарского крестьянства до освобождения. В последнее время болгарский историк Стр. Ст. Димитров вновь поднял этот вопрос, указав, в частности, что автор настоящей статьи «сильно преувеличил роль и относительный вес чифликчийского землевладения, особенно в пореформенный (т. е. в 40-х—70-х гг. XIX в.—Н. Л.) период»[2].

Следует признать, что некоторая абсолютизация удельного веса чифликчийского землевладения, связанная со скудостью источников, нами была действительно допущена и что, вероятно, уже в период господства спахийской и затем чифликчийской систем был известный слой относительно самостоятельных свободных болгарских крестьян-собственников. Вопрос этот требует специального изучения, и мы надеемся, что поднимаемые сейчас болгарскими историками новые турецкие источники по аграрным отношениям позволят вскоре его разрешить.

Но вместе с тем нынешнее состояние источников не позволяет также и преуменьшать вес чифликчийского землевладения и переоценивать степень и темпы образования слоя болгарских крестьян-собственников земли.

В дополнение к уже известному материалу[3] считаем полезным привести некоторые новые сведения по этой проблеме.

---

[1] Статистика за търговито на Българското княжества с чуждите държави за указанные годы.

[2] Ст. Димитров. Към въпроса за отменяването на спахийската система в нашите земи. Истор. преглед. 1956, № 6, стр. 28.

[3] См. Левинтов, указ. раб. стр. 152, и далее.

Заслуживают внимания данные, приводимые М. И. Золотаревым, бывшим русским консулом в Адрианополе в 1862—67 г.г. Он специально интересовался состоянием аграрных отношений в Южной Болгарии и по его заданию русский вице-консул в Филиппополе Н. Геров также собирал необходимые ему сведения.

Итогом первых его наблюдений в конце 1863 г. явилось обширное донесение под названием «Заметки относительно земледелия во Фракии», составленное в вопросо-ответной форме. Для исследователей очень важно то обстоятельство, что Золотарев дает четкое определение понятия чифлика. «Под названием чифлик, — пишет он, — подразумевают обычно собственность, содержащую несколько сотен дюлюмов и которая обрабатывается не самим собственником, а наемными людьми»[1].

Таким образом Золотарев, в сущности, берет понятие чифлика в узком смысле слова, не как вообще форму помещичьего землевладения, сменившую спахийскую систему, а как одну лишь разновидность ее — крупное поместье, обрабатываемое наемным трудом.

Первый вопрос, поставленный в «Заметках» касается количества чифликов и их размеров, но ответ освещает положение дел лишь в 2-х санджиках — в адрианопольском и филиппопольском.

По сведениям, собранным Золотаревым, в адрианопольском санджаке было к тому времени 140 чифликов, размером от 2 до 5 т. дюлюмов культивируемой земли и 50 чифликов от 500 до 1000 дюл[2], а всего, следовательно, 190 чифликов.

Определить количество чифликов Филиппопольского санджака Золотарев не смог, он мог только указать, что, «принимая это (вышеприведенное. — Н. Л.) значение слова чифлик, этот род ферм составляет очень незначительную часть всего пространства Филиппопольского санджака. Сравнительно с другими провинциями этот санджак имеет мало чифликов и в нем нет больших: чифлик в 1000 дюлюмов рассматривается как большой. Он (санджак. — Н. Л.) не владеет чифликами в 4000 дюлюмов за исключением незначительного количества в Ески Загра»[3].

Далее Золотарев вполне определенно указывает, что ранее в Филиппопольском санджаке чифликов было гораздо более,

---

[1] АВПР, ф. пос-во, в Конст-ле, 1864 д. 1010, л. 142.
[2] Там же, л. 142.
[3] АВПР. ф. пос-во, в Конст-ле, 1864, д. 1010, л. 142—143.

но в последнее время они распроданы болгарским крестьянам. «Небольшая часть чифликов, оставшихся в провинции Филиппополя погрязла в долгах. Большая часть из них куплена крестьянами деревень, где они расположены»[1].

При этом Золотарев указывает на коллективную покупку чифликов крестьянами. «Каждый крестьянин, — свидетельствует он, — сообразно своим средствам берет известную часть земли. Покупая чифлики и деля их, крестьяне так же получают и другое преимущество — избавляются от произвола фермеров, которые иногда вопреки закону силой делали попытки восстановить ликвидированную систему барщины»[2].

Уменьшение числа чифликов автор связывает, во-первых, с ликвидацией барщины. «Можно сказать, в общем, что в эпоху, когда собственники пользовались правом заставлять крестьян бесплатно работать, они достигали значительных доходов, но после ликвидации барщины мало чифликов что-либо приносят»[3].

Во-вторых, он указывает на разорительный способ перевода ощура (десятины) с натуры на деньги. Налог был исчислен в денежном выражении в 1860 г. на основе хлебных цен пяти предыдущих лет, включая и годы Крымской войны, когда цены стояли исключительно высоки. Это было лишь одно проявление начавшегося понижения цен на зерновые.

Далее Золотарев указывает на возросшую задолженность крупных земельных собственников. «Мало собственников, — пишет он, — обрабатывают землю на свои собственные деньги, большая часть прибегает к помощи ростовщиков. Для гарантии займов собственники прибегают обычно к продаже драгоценностей своих жен или к продаже (на корню. — Н. Л.) продуктов земли»[4].

Наконец, он указывает на плохое управление чифликами, так как турецкие землевладельцы лично сами не занимаются хозяйством, полностью передоверяя это управляющим.

«Таковы причины, — заключает автор «Записки, — по которым собственники стараются избавиться от своих чифликов и почему продукция этих мест уменьшается со дня на день»[5].

К этому же вопросу Золотарев возвращается еще раз в

---

1 АВПР, ф. пос-во в Конст-ле, 1864, д. 1010, л. 146.

2 Там же, д. 1010, л. 146.

3 Там же, л. 144.

4 Там же, л. 145.

5 Там же, л. 146.

1864 г., отвечая на запрос Министерства иностранных дел: «если в деревнях значительная группа мусульман-собственников?».

«Что касается земельной собственности, — отвечает Золотарев, — то она в прошлые времена принадлежала почти вся беям, за исключением некоторых земель в окрестностях городов.

Христиане были лишь арендаторами турков. Но со времени ликвидации барщины, когда доходы собственников и источники финансирования беев, базировавшиеся часто на актах произвола и насилия, исчезли, — многие из этих последних продали свою собственность крестьянам-христианам, которые, чтобы сделать подобную покупку, объединяются между собой и делят землю»[1].

По подсчетам Золотарева, «Из 5 земельных собственностей, которыми ранее владели турки, считают, что три перешли уже в руки христиан»[2].

Эти сведения хорошо согласуются с другими свидетельствами, из которых явствует, что в 30-х—40-х годах чифлики были господствующей формой землевладения. Сошлемся хотя бы на свидетельство Ю. Ненова, учительствовавшего в 40-х годах XIX в. в Татар-Пазарджике. В своих мемуарах он пишет, что «земля в Татар-Пазарджике и в ближайших к нему долинных селах была исключительно в руках турок, а крестьяне, ее обрабатывающие, были вечно ратаями в чифликах...[3].

Аналогичный факт приводится и в материалах, касающихся жизни известного борца против турецких угнетателей — Петко Войвода (Кирякова). Его односельчане из села Доганхисар в Нижней Фракии после 1839 г. выкупили совместно ряд чифликов у турок (напр., чифлик Мерхамли был откуплен за 600 т. тур лир, чифлик при с. Денизляр за 2.500 лир) и выселяясь на закупленные земли, образовали ряд новых сел: Булгаркиой, Денизлер, Хасырли и др.[4].

Таким образом, как нам представляется, игнорировать такого рода свидетельства пока нет исчерпывающих источников нельзя. Они же говорят о том, что по крайней мере до 30-х —

---

[1] АВПР, ф. пос-во. в Конст-ле, 1864, д. 1010, л. 313.

[2] АВПР, ф. пос-во, в Конст-ле, 1865, д. 1011, л. 159.

[3] Ненов, Ю. автобиография. Сборник за народни умотворения наука и книжнини, кн. 13 (1896), стр. 374—375.

[4] Петко Войвода, София, 1953, стр. 20—21.

40-х годов XIX в. большая часть земли в Болгарии была в руках турецких чифликчиев.

Процесс перехода части чифликийской земли в руки крестьян, в условиях неликвидированного турецкого гнета приводил к уменьшению товарной зерновой продукции.

С конца 60-х годов зерновое хозяйство Болгарии вступает в полосу затяжного кризиса.

К этому времени положение на мировом рынке начинает меняться за счет резкого возрастания экспорта зерновых России и особенно США.

Вывоз из России рос следующими темпами:

в 1861—1865 гг. — в среднем в год вывозилось 9,1 млн. четв.
в 1866—1870 гг. — » » » 14,8 »
в 1871—1875 гг. — » » » 22,0 »[1]

Таким образом за десятилетие 1865—1875 г г. русский вывоз увеличился в два с половиной раза. Еще большими темпами рос северо-американский экспорт, который бурно завоевывал себе первое место, оттесняя всех других соперников[2].

На росте мировой хлебной торговли сказалось быстрое развитие железнодорожного и пароходного транспорта, удешевление в связи с этим фрахта. Это привело к вовлечению в мировую торговлю отдаленных стран, чему способствовало также открытие Суэцкого канала. С конца 60-х годов заметными поставщиками зерновых делаются Чили, Аргентина, Индия, Канада, Австралия[3]. Заметно падает значение такого

---

[1] Составлено на основе годовых отчетов Департамента внешней торговли России за соответствующие годы. ЦГИА, Л-д, ф. 560, д.д. 737, 780, 810, 836, 844, 850, 854, 858, 862, 865, 868.

[2] Вот как проходил вывоз хлебов из США и Рос. (в млн. четв.)

Год	Россия	США	Год	Россия	США
1870	24,0	9,8	1874	26,8	22,5
1871	23,2	11,0	1875	22,4	17,9
1872	15,9	13,1	1876	25,4	22,1
1873	20,7	16,2	1877	30,5	23,5
			1878	42,2	40,7

См. «Хлебная конкуренция России с Америкой. Материалы для решения хлебного вопроса в России». М. 1883, стр. 39.

[3] Так в Англию из Индии было ввезено пшеницы в 1866—70 г.г. 174 т. цент., в 1871—75 г.г.—3,5 млн., а в 1876—80 г.г. уже 15,3 млн. цент. Георгиевский, указ. соч., стр. 227.

фактора, как географическая близость стран вывоза к рынкам сбыта, что не могло не отразиться на положении Болгарии. Усиленный вывоз США, России приводит с 70-х годов XIX в. к падению мировых хлебных цен[1].

К этому времени закончился процесс формирования мирового хлебного рынка и теперь в решающей степени положение на нем стало определяться внутренними условиями производства зерновых.

В этом отношении Болгария, задавленная турецким гнетом, находилась в самых неблагоприятных условиях. Более того, в связи с превращением Турции в полуколонию, увеличился налоговый гнет, произвол турецких властей дополнился хозяйничанием иностранных капиталистов. В общем экономическом кризисе, который переживала Болгария накануне освобождения кризис зерновой торговли был важной составной частью.

Прежде всего кризис выразился в медленном, но неуклонном падении цен на зерновые. Следующая таблица дает представление о динамике движения цен на пшеницу за исследуемый период[2].

Год	Район	Цены на константинопольское киле пшеницы в пиастрах
1	2	3
1833 г.	Болгария	6—6,5 пиастр.
1841 г.	София	7 пиастр.
1845 г.	Салоники	14 — « —
1848 г.	Адрианопольский пашалык	14—15 — « —
1849 г.	— » —	15 — « —
1850 г.	— » —	17 — « —
1851—57 г.	— » —	40—50 — « —
1857 г.	Варна	25—30 — « —

[1] См. Касперов, В. И. Цены на пшеницу на современном международном рынке, СПБ, 1895.

[2] Таблица составлена на основании сведений, почерпнутых из донесений русских, бельгийских, французских консулов, из данных прессы того периода и из свидетельств путешественников.

1	2	3
1858 г.	Варна	17—16 пиастр.
1859 г.	— « —	26 — « —
1860 г.	— « —	22—25 — « —
1861 г.	— « —	19—22 — « —
1861 г.	Адрианополь	22 — « —
1864 г.	Варна	19—22 — « —
1867 г.	Видин	14—15 — « —
1867 г.	Плевна	13 — « —
1869 г.	Рущук	18 — « —
1870 г.	— «	14—15 — « —
1871 г.	— « —	18—16 — « —
1873 г.	Дунайские пристани	12—13 — « —
1875 г.	— « «	16—18 — « —

Из этих, хотя неполных и отрывочных, данных явствует, что в 40-х и 50-х годах идет процесс быстрого увеличения хлебных цен. В 40-х годах цены на пшеницу удвоились по сравнению с предыдущим десятилетием, в 50-х годах они вновь возросли в два раза и держатся на уровне 40—50 пиастров. После Крымской войны начался процесс падения цен, таким образом, что в 60-х годах они были в среднем на уровне 14—15 пиастров.

Далее, как указывалось выше, кризис выразился в постепенном сокращении объема зерновой торговли. В то же время возросший налоговой гнет, усилившийся произвол на местах также лишали крестьян заинтересованности в увеличении производства зерновых. Ни чифликийское хозяйство, ни хозяйство мелкого крестьянина не оказались в состоянии успешно конкурировать на мировом рынке с новыми, могучими поставщиками хлебов.

Болгарская зерновая торговля могла успешно развиваться в краткий период в условиях действия временных факторов — неурожай в Европе 40-х годов, Крымская война, гражданская

война в США, реформа 1861 г. в России, в условиях, когда шел еще процесс формирования мирового зернового рынка. Когда же в конце 60-х годов эти временные факторы себя исчерпали, когда мировой зерновой рынок оформился, тогда полностью сказалось действие факторов, тормозящих зерновую торговлю — национальный гнет, полуфеодальные отношения в деревне, крайне низкая сельскохозяйственная техника, плохая сеть путей сообщения, необеспеченность плодов труда и даже личности производителя — болгарского крестьянина. Все это толкало болгарское крестьянство на путь борьбы за свое освобождение, на путь национально-освободительной антифеодальной революции.

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор **С. Е. Сумин.**

Корректор **В. А. Крестовская.**

ЗМ02030. Зак. 4990. Тираж 500. Формат бум. 60x84 1/16. Объем 5 3/4 печ. листа. Подписано к печати 13.VII-60 г.
Г. Сызрань, типография «Красный Октябрь».

Цена 2 р. 10 к.